

К 350-летию Петра Великого

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ПЕТРА ТВОРЕНЬЕ!

Часть 4

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ СОБОР

Эпоха Петра I. Все основные события, связанные с основанием Санкт-Петербурга, сопровождались церковными торжествами. Это относится в первую очередь к Петропавловской крепости, с которой и начинается история города на Неве. «Октября 1-го (1703 года. — *Авт.*), то есть в день Покрова Богородицы, царское величество во оную Санкт-Петербургскую крепость изволил иметь торжественный вход, и было освящение града Санкт-Петербурга и хождение с животворящими крестами по стене града и кропление святой водой»¹, — сообщает неизвестный автор в краткой записке «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга».

Одновременно с основанием будущей столицы в крепости на Заячьем острове был заложен храм в честь святых апостолов Петра и Павла. До 1721 года земли будущей Петербургской губернии назывались «новозавоеванными», и в церковном отношении они входили в ведение Новгородской епархии. В 1704 году митрополит Новгородский Иов посетил Петербург и 1 апреля освятил деревянную церковь Петра и Павла в крепости².

Вот какой увидел эту церковь один из иностранных гостей, побывавший в Санкт-Петербурге в 1710 году. Он пишет, что в крепости его взору предстала «небольшая, но красивая деревянная русская церковь об одном, на голландский манер, шпиге. На башне под шпигем висит несколько колоколов, на которых приставленными людьми каждый час разыгрывается, тоже по голландскому обычаю, небольшая прелюдия, а вслед за нею часы возвещаются звоном колокола, приводимого в движение, за не-

---

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Цит. по: Беспятовых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 260.

² Архангельский Михаил, свящ. С.-Петербургская епархия, от основания С.-Петербурга до воцарения Анны Иоанновны (с 1703-го по 1730 год) // Странник, 1866. Т. 11. С. 1.

имением часового механизма, теми же людьми»³. Тот же неизвестный автор сообщает о том, что внутри крепости, над воротами, находился «писанный образ Святого Николая, перед которым русские творят, по своему обычаю, крестное знамение и земные поклоны, в особенности по утрам»⁴.

Сходные сведения содержатся в записках Генриха фон Реймерса; однако немецкий писатель упоминает о таких подробностях, которые отсутствуют у его собратьев по перу.

16 мая 1703 г. на Заячьем острове было заложено основание шанца (укрепления), или малой крепости с земляным валом. Тот час же для строительства крепости из глубины государства были затребованы тысячи русских, татар, калмыков, казаков и т. д., а также финские и ингерманландские крестьяне. В необычайно короткий срок для этой работы собралось более сорока тысяч человек, среди них было очень много шведских пленных. За четыре месяца строительство крепости было полностью завершено. Через нее, дабы не было нехватки воды, был проведен канал.

У канала стояла деревянная церковь, раскрашенная под желтый мрамор, с изящной островерхой башней на голландский манер, на шпиге которой по воскресеньям и праздникам поднимали флаг. Наверху находилось несколько колоколов, которые каждый час приводились в движение руками человека, отчего возникала гармония игры колоколов. За отсутствием часов ударом в определенный колокол давалось знать, который час.

В четырехрядной застройке у канала находился маленький деревянный дом коменданта наряду с домами других офицеров гарнизона, а также построенная в 1704 г. небольшая деревянная лютеранская церковь (тоже имевшая колокол для звона); между тем многие из бывших жителей Ниешанца, лютеране по вере, заселяли новую крепость. К этой вере склонилась и большая часть иностранцев, осевших в новом городе. (Первый священник этой церкви Иоганн Мюллер стал в 1715 г. исповедником царской кронпринцессы Шарлотты Христины Софии, урожденной принцессы Брауншвейг-Вольфенбюттельской, и супруги злосчастного цесаревича Алексея Петровича.) Однако па этом месте никакому строению, кроме принадлежащего крепости, не должно было стоять, потому эта церковь вскоре была сломана, и вместо нее на Петербургском острове, недалеко от Мытного двора, была возведена новая.

Через проток на финскую сторону от крепости вел деревянный мост длиной в 300 шагов с двумя подъемными мостами; изящные ворота крепости были деревянными, на них была установлена в натуральную величину статуя апостола Петра с двумя большими ключами, все это резной работы. По имени этого святого монарх пожелал назвать и крепость, и свою заложенную на берегах Невы резиденцию, и окрестил ее Санкт-Петербургом⁵. Под статуей апостола на металлической доске был обозначен год основания — 1703. Над воротами простер свои крылья двуглавый орел, а под ним висела икона святого Николая, народного покровителя⁶.

Много интересных сведений о Петропавловском храме находим в записках Юста Юля — датского посланника при Петре Великом. Он сопровождал царя во время официальных церемоний, которые часто совершались в церкви святых апостолов Петра и Павла. 1710 год особенно богат такими сообщениями, и в каждом из них мы находим что-то новое. Так, в записи под 20 апреля 1710 года датский дипломат сообщает, что он вместе с Петром I присутствовал в храме за торжественным богослужением. «Там, — пишет датский посланник, — я обратил внимание на то, что 4 священни-

³ Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710 и 1711 годах. СПб., 1860. С. 8—9.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ На голландский манер — Sanct-Peters-burg (Санкт-Питербурх).

⁶ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 68—69.

ка, повернувшись лицом один на восток, другой на запад, третий на север, четвертый на юг, прочли Евангелие о Воскресении Христа от всех евангелистов в знамение того, что Евангелие это должно проповедоваться всему миру, на все четыре стороны света. Как в течение самой обедни, так и по окончании ее сделано было несколько пушечных выстрелов»⁷.

Будучи посланником из лютеранской Дании, Юст Юль, естественно, посетил в Петербурге и общину своих единоверцев. В те годы она также находилась в стенах Петропавловской крепости, недалеко от православного Петропавловского храма. 22 апреля 1710 года Юст Юль «был в лютеранской церкви в крепости Санкт-Петербург (так официально называлась Петропавловская крепость. — *Авт.*). Службу отправляет там немецкий лютеранский священник»⁸. Это был тот самый пастор Иоганн Мюллер, который в 1714 году был назначен духовником цесаревны, супруги царевича Алексея⁹.

Однако вернемся к Петропавловскому храму. 5 мая Юст Юль снова побывал здесь, чтобы поздравить Петра I с радостным известием о подтверждении турками мирного договора. В храме датчанин увидел, что мужчины стоят внизу, а женщины наверху, на хорах. «Ни игры на органе, ни другой музыки в русских церквях не бывает, — пишет Юст Юль. — Царь стоял среди многочисленных певчих и пел с ними, точно сам был одним из церковнослужителей. Певчие пели очень хорошо во всех голосах. По окончании обедни диакон вынес тарелку с белым хлебом вроде печенья (антидор. — *Авт.*) и стал предлагать его выходящим; всякий брал себе сам по кусочку»¹⁰.

В связи с этим наблюдением можно привести сообщение другого иностранного автора, который подтверждает, что «от этого обыкновения Петр порой не отступал и на торжественных службах; так, в 1721 году, при поднесении ему Сенатом и Синодом императорского титула, он тоже пел во время богослужения»¹¹. Датский посланник был в России в разгар Северной войны (1700—1721). В 1710 году русские войска в ходе сражения взяли Выборг. Именно в Петропавловской крепости Юст Юль видел 59 знамен и штандартов, взятых у шведов в Выборге. Они были водружены в два ряда возле собора¹².

А за год до этой победы русские войска разгромили шведов в Полтавской битве — 27 июня (8 июля) 1709 года. Юст Юль как раз присутствовал в Петербурге 8 июля 1710 года, когда «торжествовалась годовщина счастливой победы, одержанной в 1709 году над королем шведским под Полтавой». Как пишет посланник, «царь... пошел в собор там стал по обыкновению среди певчих, в хоре которых звучно и отчетливо пел, сам вышел с Библией в руках и, стоя в царских вратах, довольно громким голосом прочел перед всей паствой главу из послания Павла к римлянам, после чего снова присоединился к певчим, которые пели, сойдясь вместе посреди храма. Когда обедня закончилась, царь со всей свитой вышел на площадь... Там была поставлена красная скамейка (обтянутый красным сукном амвон. — *Авт.*) и несколько аналоев с образами, книгами и свечами. На амвон взошел архимандрит Феофилакт Лопатинский, ректор патриаршей школы в Москве (в Заиконоспасском монастыре. — *Авт.*), и под открытым небом, пред всем народом, произнес проповедь, заключившуюся молебном»¹³.

⁷ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711) // ЧОИДР, 1899. Кн. 3. С. 185.

⁸ Там же. С. 186.

⁹ Там же. С. 186. Прим. 2.

¹⁰ Там же. С. 191.

¹¹ Там же. С. 191. Прим. 1.

¹² Там же. С. 221.

¹³ Там же. С. 221—222.

Хотя деревянный Петропавловский храм был небольшим и скромным, он являлся духовным и общественным центром будущей российской столицы. Именно здесь проводились торжества по случаю взятия Риги и Ревеля в ходе осенней кампании 1710 года. Под 19 октября в дневнике Юста Юля отмечено: «Прежде всего в русских церквах отслужили молебен. Ночью верхнюю часть собора, возвышавшуюся над валом, убрали, где только было можно, фонарями; увесили множеством зажженных фонарей»¹⁴.

Расположив в хронологическом порядке записи иностранных авторов, бывавших в Санкт-Петербурге и писавших о нем, можно составить краткую историю строительства Петропавловского собора — от небольшой деревянной церкви до внушительно-го каменного строения, сохранившегося до нашего времени.

Как и Юст Юль, шведский лютеранин Эренмальм, посетивший Петропавловскую крепость в 1712 году, прежде всего отметил, что «внутри крепости есть... немецкая и русская церкви»¹⁵. Он же сообщает о том, что на строительстве Петропавловской крепости «много работали в 1711 и 1712 годах плененные в Выборге солдаты, а также другие шведские пленные, и когда я в 1712 году проезжал здесь, стены были возведены более чем наполовину»¹⁶. Шведская крепость Ниеншанц, взятая войсками Петра I 1 мая 1703 года, была по его приказу скрыта; часть материалов пошла на строительство Петропавловской крепости.

Внутри крепости, как и прежде, стояла Петропавловская церковь; она была деревянной, с высокой, на манер голландской башни, колокольней. 30 мая 1712 года Петр I положил начало строительству каменного собора на том месте, где стояла деревянная церковь. Спустя восемь лет после основания собора его строительство было почти закончено.

Вот некоторые этапы возведения каменного Петропавловского собора. Неизвестный немецкий автор, побывавший в Санкт-Петербурге в 1716 году, пишет об этом храме: «Не хочу обойти молчанием большую церковь и высокую башню, которые начали строить в крепости. Судя по модели, которую я видел, это будет нечто прекрасное, подобно чему в России пока еще найти нельзя. Башня уже готова до стропил, она необычайной высоты и хорошей каменной кладки с 4 рядами установленных друг на друга пилястр, хороших пропорций и с высокими сводами. Ее строил итальянский архитектор (из Швейцарии. — *Авт.*) Трезини. Так как деревянная надстройка башни должна стать такой же высокой, как каменная ее часть, то эта башня, вероятно, будет превосходить по высоте все башни в Германии. О церкви можно сказать, что в ней будет все, на что можно претендовать в таком месте, где материалы трудно достать»¹⁷.

Особую историческую ценность имеют записки Иоганна Фоккеродта, жившего в Санкт-Петербурге в эпоху Петра I¹⁸. Он описывает Петропавловскую крепость как очевидец ее возведения. «Петербургская крепость или цитадель образует длинный шестиугольник, снабженный кое-какими разнородными укреплениями (равелинами, теналями и контрегардами) с передовым укреплением (кронверком), и занимает весь отдельный остров, называвшийся прежде Газенгольм (Hasenholm), — пишет немецкий автор. — В ней нет никаких других строений, кроме главной церкви, в которой похо-

¹⁴ Там же. С. 249–250.

¹⁵ Цит. по: Беспятовых Ю. Н. Страницы старинной рукописи // Нева, 1982, № 5. С. 187.

¹⁶ Там же. С. 187.

¹⁷ Цит. по: Описание столичного города С.-Петербурга (1716–1717) // Белые ночи. Л., 1975. С. 207–208.

¹⁸ Фоккеродт Иоганн Готхильф (нем. Johann Gotthilf Vockerodt) (1693–1756) — прусский дипломат, автор записок о России. Был приглашен в Санкт-Петербург в качестве наставника для племянника генерала Роберта Брюса (первого обер-коменданта Петербурга), а позднее для детей Дмитрия Кантемира. В 1717–1733 годах — секретарь посольства Пруссии в Петербурге.

ронены Петр I и Екатерина с некоторыми принцами и принцессами крови, еще магазинов и нескольких деревянных домов для начальника крепости и офицеров крепостной стражи. Вся крепость сначала выстроена земляная, и землю для нее должны были таскать согнанные для того из всех областей Русского царства помещичьи крестьяне, отчасти в кулях, отчасти же и в полах своих кафтанов: по собственным показаниям русских, до 200 тысяч таких людей погибло при этом случае от голода и болезней. Впоследствии мало-помалу ее начали строить из кирпича: все бастионы и малые укрепления теперь уже окончены, кроме передового (кронверка), которое со временем тоже думают выстроить каменное»¹⁹.

14 января 1716 года в Санкт-Петербурге скончалась царица Марфа Матвеевна, вторая жена царя Феодора Алексеевича, из рода Апраксиных. Строившийся Петропавловский собор стал местом ее погребения. Брауншвейгский посланник в Петербурге Ф.-Х. Вебер записал в своем дневнике об этом событии такие строки: «Хоронили ее в вечерние сумерки с большим великолепием. От ее печального дома до церкви было расстояние с небольшую четверть мили, и весь этот путь по льду уставлен был двойным рядом факелов, между которыми и совершалась процессия... Тело по совершении над ним последнего погребального обряда погребено в новой царской усыпальнице в крепостной церкви, где таким образом покоятся вместе сын и две дочери Его Царского Величества и сия последняя царица... На этих похоронах впереди тела шло все русское духовенство: архиереи, архимандриты, митрополиты, священники, певчие и все другие церковнослужители, в великолепных церковных облачениях, со множеством свечей, кадил и с непрестанным пением, что все придавало процессии внушающий благоговение вид»²⁰.

Как видно из этой записи, Петропавловская крепость стала местом упокоения членов царствовавшей династии. Тот же брауншвейгский посланник, который был очевидцем похорон царицы Марфы, через два года присутствовал на похоронах царевича Алексея Петровича, старшего сына Петра I и Евдокии Лопухиной. «9 июля тело покойного в гробу, обитом черным бархатом и покрытом богатой золотой парчой, взято из крепости и под водительством великого канцлера и некоторых других знатных особ перенесено в церковь Святыя Троицы²¹, где и выставлено для того, чтобы все желающие могли видеть его»²², — пишет Ф.-Х. Вебер.

Как известно, царевич Алексей, участвовавший в заговоре против Петра I, был лишен права престолонаследия, заключен в темницу и приговорен к смертной казни. Поэтому-то тело его было «взято из крепости», как пишет немецкий автор. Там же, в Петропавловском соборе, царевич нашел и свое последнее упокоение. «11 числа был обряд погребения, — продолжает Ф.-Х. Вебер, — именно вечером, в сопровождении царя, царицы и всех придворных чинов, тело покойного из церкви Св. Троицы снова было перенесено в крепость, в тамошнюю соборную церковь, где и положено в погребальном склепе, рядом с блаженной памяти его супругой. Царь и все остальные провожатые в этой печальной процессии держали в руках маленькие горящие восковые свечи»²³.

¹⁹ Фоккеродт Иоганн-Готтгильф. Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 80.

²⁰ Вебер Ф.-Х. Записки о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский архив, 1872, № 6—9. С. 1342—1343.

²¹ Троицкая церковь была построена около 1710 года в 200 саженях от Петропавловской крепости на Петербургской стороне. В перестроенном виде сохранялась до 1933 года, когда была окончательно снесена. — *Прим. авт.*

²² Вебер Ф.-Х. Указ. соч. С. 1456.

²³ Там же. С. 1456—1457.

К 1720 году строительство каменной церкви святых апостолов Петра и Павла было снаружи в общих чертах завершено, и один из польских дипломатов, прибывших в новую российскую столицу в том году, писал: «На другом берегу реки, против царских дворцов, строят большой укрепленный замок. Посредине его находится церковь с башней, на которой помещены часы, играющие французские куранты; здесь вообще во дворцах и коллегиях много таких часов, которые разыгрывают псалмы»²⁴.

В этой краткой записи упоминается про часы, установленные на соборной колокольне. Эти куранты, исполнявшие мелодии, неизменно привлекали внимание иностранцев. В дневнике камер-юнкера Берхгольца под 1721 годом говорится про внешнюю отделку собора; автор пишет о том, что «крепостная церковь самая большая и красивая в С.-Петербурге; при ней высокая колокольня в новом стиле, крытая медными, ярко вызолоченными листами, которые необыкновенно хороши при солнечном освещении. Но внутри этот храм еще не совсем отделан. Эта прекрасная церковь построена вся из камня и не в византийском, а в новом вкусе, с крепкими сводами и колоннами, снаружи с великолепным портиком, находящимся под колокольней»²⁵.

И хотя, как добавляет Берхголец, «кроме сводов, колонн и окон, в ней ничего не готово»²⁶, все же на соборной колокольне уже были установлены «зело прехитрые» куранты, доставленные сюда из Голландии. «Куранты на колокольне так же велики и хороши, как амстердамские, и стоили, говорят, 55 000 рублей, — продолжает немецкий дипломат. — На них играют каждое утро от 11-ти до 12-ти часов; кроме того, каждые полчаса и час они играют еще сами собою, приводимые в движение большой железной машиной с медным валом»²⁷. («Привезенный из Амстердама и оплаченный 45 тысячами рублей, набор из 35 колоколов был установлен на колокольне в 1720 году»²⁸, — уточняет Генрих фон Реймерс.)

Вот еще одно место из дневника Берхгольца, относящееся к августу 1721 года и посвященное описанию петропавловских курантов и их сладкозвучной игре. «В 12 часов утра все мы целым обществом всходили на колокольню в крепости, чтобы послушать игру курантов, положенную в это время, и посмотреть на панораму Петербурга, — пишет он. — Колокольня эта самая высокая в городе. Чрезвычайно любопытно поглядеть там на игру музыканта, особенно тому, кто не видывал ничего подобного. Я, впрочем, не избрал бы себе его ремесла, потому что для него нужны трудные и сильные телодвижения. Не успел он исполнить одной пьесы, как уже пот градом катился с его лица. Он заставлял также играть двух русских учеников, занимающихся у него не более нескольких месяцев, но играющих уже сносно. Большие часы играют сами собою каждые четверть и полчаса»²⁹.

В 1723 году на соборной колокольне был поставлен новый шпиль; работы выполнялись пленными шведами-лютеранами. «На месте маленькой деревянной церкви 30 мая 1712 г. в крепости был заложен камень в основание теперешней каменной церкви во имя святых апостолов Петра и Павла, однако освящена и превращена в соборную, или кафедральную, она была в правление императрицы Анны 28 июня 1732 года, — пишет фон Реймерс. — Церковь — длиной 30, шириной 12 и по внутренней высоте 10 сажень. В сентябре 1723 года работа над колокольней с медным покрытием, позолоченным горячим способом, высотой 55 сажень или 385 английских футов, бы-

²⁴ Петербург в 1720 году. Записки поляка-очевидца // Русская старина, 1879. Т. 25. С. 268.

²⁵ Дневник камер-юнкера Берхгольца. 1721–1724 годы. М., 1858. Кн. 1. С. 78.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 106.

²⁹ Дневник камер-юнкера Берхгольца... С. 96–97.

ла закончена. На ее шпиле находится золоченая фигура летящего ангела размером более человеческого роста, в семь с половиной футов, в руке которого по ветру развеваются знамя. Для золочения всего этого понадобилось 2814 ефимков³⁰.

В 1723 году, как и прежде, в Петропавловском соборе особенно торжественно праздновалась Пасха Христова. По воспоминаниям Берхгольца, «в первый день Светлого праздника, в 4 часа утра, в крепости и в Адмиралтействе палили из всех пушек в знак наступившего великого торжества. В половине девятого началась проповедь; но во время самого богослужения мы опять услышали пушечную пальбу из крепости и Адмиралтейства, которою возвещалось, что русская обедня кончилась»³¹.

Эпоха Анны Иоанновны (1730-1740). В 1733 году была окончена внутренняя отделка собора, и 28 июня, накануне праздника святых апостолов Петра и Павла, собор был освящен³². «У русских в церквах множество религиозных жестикуляций и обрядов, и у священников в церкви св. Петра в крепости очень красивые одеяния»³³, — сообщал в 1733 году Фрэнсис Дэшвуд.

Иностранные авторы, посещавшие Петропавловскую крепость, часто описывали ее укрепления, а уже потом переходили к рассказу о самом соборе. Именно так излагает свои впечатления об увиденном Фрэнсис Дэшвуд. «Замок, или крепость, стоит на образованном Невой острове, она весьма правильна и кажется выстроенной очень добротно, хотя еще полностью и не завершена; некоторые бастионы хорошо вооружены пушками, — пишет английский автор. — Я насчитал 50 бронзовых пушек, снятых со стен; пять из них были длиной от 21 до 22 футов. Есть также несколько бронзовых мортир, они установлены в воротах, выходящих на реку. Есть глубокая канава, или ров, и за нею укрепление, которое делает эту крепость чрезвычайно надежной. В крепости всегда находится 500 человек гарнизона»³⁴.

Наконец Фрэнсис Дэшвуд переходит к описанию Петропавловского собора: «Посреди крепости стоит церковь во имя св. Петра, она намного богаче и красивее всех других здешних храмов, ее купол и шпиль снаружи целиком позолочены. Имеется весьма любопытная икона с несколькими лампадами из слоновой кости, выточенными Петром Первым (еще есть сделанный им же из слоновой кости очень красивый крест). Здесь же в углу церкви, а не в склепе, рядом лежат Петр и императрица Екатерина — в гробницах, покрытых золотой тканью с золотой бахромой»³⁵. На колокольне — несколько колоколов, но почти все они маленькие — они здесь никогда не звонят, только мелодии курантов»³⁶.

В 1735 году от удара молнии загорелся шпиль Петропавловского собора. Об этом с «английским юмором» пишет Элизабет Джастис: «В этой стране существует обычай шутить в последний день апреля, как некоторые в Англии делают в первый апрельский день. В 1735 году ее величество изволила забавляться звоном колокола, который там зовут пожарным; в него ударяют лишь в случае какого-либо большого несчастья. Это, конечно, очень многих ввело в заблуждение. Но спустя три дня от молнии загорелась колокольня одной из красивейших тамошних церквей, что было расценено

³⁰ Реймерс Генрих фон. Указ. соч. С. 106.

³¹ Там же. М., 1862. Ч. III. С. 52. Запись от 14 апреля 1723 года.

³² Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. Санкт-Петербургская епархия. СПб., 1908. С. 82.

³³ Дэшвуд Фрэнсис. Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году // Беспятовых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 66.

³⁴ Там же. С. 57.

³⁵ Петр I и Екатерина I погребены у южной стены Петропавловского собора в 1731 году, когда он был почти достроен, а прежде гробы с их телами стояли посреди собора в часовне.

³⁶ Там же. С. 57. Речь идет о голландских курантах в 35 колоколов, установленных в 1720 году на законченной в основном колокольне собора.

как кара; теперь этот нелепый обычай отменен»³⁷. Этот факт подтверждает петербургский бытописатель А. И. Богданов: «В 1735 году июня 26 дня от громового удара зажжен был Петропавловский шпиц, но, яко как настоящий день тогда был, оный громовой огонь на Петропавловской колокольне тотчас затушили»³⁸.

Элизабет Джастис принадлежит еще одно упоминание о Петропавловском соборе: «Убранство кафедральной церкви, как мне сказали, великолепно, но я ни разу в ней не была. Церковь украшена шпилем, он ослепительно блестит, как и должно быть, поскольку покрыт сверкающим золотом»³⁹. Подробнее об этом пишет Ф. В. Берхгольц под 30 сентября 1723 года: «В истекшем сентябре месяце здесь начали прекрасный большой шпиц на Петропавловской крепости покрывать сильно вызолоченными в огне медными листами; но перед тем еще наверху его поставили летящего вызолоченного ангела...»⁴⁰

О позолоченном шпиле Петропавловского собора упоминает и Педер фон Хавен; это было первое, что бросилось ему в глаза по прибытии в Санкт-Петербург в 1736 году: «Самое красивое в этой панораме, постоянно находящейся перед глазами, когда врываешься в Петербург, — это крепость, представляющая собой не меньшее украшение, чем расположенный внутри нее кафедральный собор; его высокий и красивый шпиль сверху донизу покрыт настоящим золотом и горит огнем»⁴¹. «Его высокий и при этом тонкий покрытый медью шпиль является наибольшей достопримечательностью всего Петербурга. Он сверху донизу щедро позолочен настоящим дукатным золотом»⁴², — еще раз повторяет датский автор.

Педера фон Хавена, как и большинство прочих путешественников, петропавловские куранты не оставили равнодушным. «На шпиле есть также куранты, которые играют при каждом ударе в колокол и кроме того каждый день на протяжении двух часов. Они изготовлены в Голландии и ничем не уступают столь знаменитым лейденским курантам, — пишет Педер фон Хавен, добавляя при этом: — Куранты, не похожие ни на амстердамские, ни на лейденские, чрезвычайно приятно звучат при каждом ударе колокола»⁴³.

Собор, воздвигнутый по велению Петра I, после кончины императора стал его усыпальницей. О последних днях жизни монарха сообщает француз Огюст де ла Мотрэ, приехавший в Петербург в сентябре 1726 года, когда в памяти петербуржцев еще были свежи воспоминания о том печальном времени. «До последнего его вздоха над ним читали молитвы и отправляли обряды той религии, которую он исповедовал и считал наилучшей, о чем свидетельствовали все его дела и поступки, — пишет он. — Главные прелаты и священники молились подле него, и он присоединялся к их молитве. 27 января 1725 года (последний день, свет которого он видел) его соборовали епископы Псковский и Тверской. Он выказывал полное смирение и отошел 28-го в 3 часа утра, не выразив ни малейшего сожаления о жизни, ни малейшего страха перед смертью.

³⁷ Джастис Элизабет. Три года в Петербурге // Беспятовых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 99.

³⁸ Богданов А. И. Дополнение к историческому, географическому и топографическому описанию Санкт-Петербурга, с 1751 по 1762 год. М., 1903. С. 131.

³⁹ Джастис Элизабет. Указ. соч. С. 103.

⁴⁰ Указ. соч., ч. 3. С. 158.

⁴¹ Хавен Педер фон. Путешествие в Россию // Беспятовых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 309. См. также: Путешествие по России в 1736—1739 годах (Из дорожных записок фон Хафена) // Северная пчела, 1863, № 150. С. 690.

⁴² Там же. С. 337.

⁴³ Там же. С. 309, 337.

Его драгоценнейшая и скорбящая супруга была немедленно провозглашена Всероссийской Императрицей...»⁴⁴

Рассказ французского путешественника продолжает дневник (диариуш) польского автора из свиты Яна Казимира Сапеги, гостившего в Петербурге в начале весны 1726 года. Бобруйский староста прибыл в Россию для того, чтобы породниться с князем А. Д. Меншиковым, женив своего сына на его дочери Марии. Этот брачный союз по ряду причин не состоялся, но для истории сохранились записи о похоронах Петра I в Петропавловском соборе. «21 марта <1726 года>. После раннего обеда Их Милости... поехали к телу блаженной памяти Его Императорской Милости в крепостную церковь, где уже находились Ее Императорская Милость со всей своей фамилией, а также все сенаторы, министры, генералы и офицеры. Богослужение проходило при очень малом числе свечей: вокруг катафалка их было только шесть, и горели четыре факела. Высоких канделябров восемь, но они не были зажжены; четыре люстры по сторонам пирамидой по восемь свеч, также висящие две хрустальные церковные по шесть свечей. При этом катафалке так же, как я выше упомянул, и во время богослужения стоял караул. После службы, которую отправлял здешний архиепископ <Феофан> Прокопович в сопровождении своих прелатов, когда уже должны были выходить из церкви, Ее Императорская Милость вступила на катафалк к гробу и там, закрывшись, приблизив голову и целуя, плакала и едва не лишалась чувств от скорби. Его милость герцог Голштинский и его милость князь Меншиков едва уговорили ее дать увести себя с катафалка. Когда она сошла, поцеловать упомянутый гроб пошли их милости герцогини Голштинская и Мекленбургская, а также ее милость цесаревна. Эта церемония продолжалась до часу дня и долее»⁴⁵ — так заканчивает польский автор свое повествование о похоронах Петра I.

«Тело великого императора было с пышною церемониею предано земле в церкви Петропавловской крепости, и вместе с ним погребена младшая шестилетняя дочь покойного Наталия Петровна, развитая не по летам и умершая с горя, причиненного ей кончиною родителя»⁴⁶, — добавляет Геннинг Басевич.

Но вернемся к записям О. де ла Мотрэ; французский путешественник описывает вид храма, строительство которого в 1726 году еще не было закончено «по причине недостатка средств, как и несколько других дел, начатых до смерти Петра I... Эта церковь была построена по проекту и под руководством искусного синьора Трезини, — пишет О. де ла Мотрэ, — все в ней достойно его доброго вкуса; здание выложено из кирпича, за исключением колонн, углов и консолей. Все архитектурные и скульптурные украшения распределены и расположены с большим умением и изяществом; ее колокольня вся каменная, кроме деревянного шпиля, покрытого медью и позолоченного доверху. Он высится над четырьмя рядами колонн, каждый последующий ряд — над предыдущим, с большими арками — два ряда ионического ордера и два других — коринфского. На колокольне хорошие куранты; портик этой церкви благороден, его тосканские колонны — из твердого песчаника. В церкви по-прежнему находился катафалк Петра I, покрытый расшитой золотом тканью и поднятый над полом на 5 ступеней, усталых пурпурным атласом; балдахин из такой же ткани и такого же цвета, с золотым шитьем. Вышиты монограммы имен Петра I и его малолетней дочери, умершей несколькими днями раньше него; в должных местах вышиты также девизы.

⁴⁴ О. де ла Мотрэ. Из «Путешествия...» // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 214.

⁴⁵ Диариуш пути из Вильно в Петербург и пребывания в нем светлейшей милости господина Сапеги, старосты Бобруйского, а теперь фельдмаршала российских войск // Беспятых Ю. Н. Указ. соч. С. 201.

⁴⁶ Басевич Геннинг Фридрих. Записки // Юность державы. М., 2000. С. 436.

У катафалка стояли четыре деревянные статуи, окрашенные в белый цвет, соответственно 2 в изголовье и 2 в ногах; также 4 канделябра, каждый с одной восковой свечой толщиной в бедро. Статуи, стоявшие в изголовье, — Геркулес и Александр, а статуи в ногах — Религия и Россия. У каждой свечи — солдат с алебардой в длинном черном плаще...»⁴⁷

Как и Фрэнсис Дэшвуд, Джон Кук делит свое повествование на две части; сначала он описывает Петропавловскую крепость: «На северном берегу реки, восточнее Адмиралтейства, стоит крепость, построенная на острове. В нее только два входа по подъемным мостам. Очень широкое и глубокое русло идет из Невы вокруг всей крепости, чтобы затем опять соединиться с Невой. Полагаю, крепость настолько прочна, насколько это возможно сделать наилучшим инженерам. Она вся каменная; стены очень высоки и защищены прочными бастионами, на которых установлены самые добрые бронзовые пушки. Однако от нее, подобно лондонскому Тауэру⁴⁸, пользы мало, разве только в качестве государственной тюрьмы. Не имею понятия, каким образом она может защитить С.-Петербург, хотя и совершенно уверен, что она способна за короткое время обратить в прах весь город»⁴⁹.

Далее английский автор ведет своих читателей к Петропавловскому собору, а затем — под его своды: «Посреди крепости стоит очень красивая церковь с набором музыкальных колоколов. На колокольне высокий шпиль, подобный адмиралтейскому и завершающийся богато позолоченным крестом. Великий Петр лежит погребенный в этой церкви, и, я полагаю, также вся императорская фамилия, начиная с его времени. У места погребения денно и нощно стоит караул. Здесь есть очень большая люстра из слоновой кости — на сто свечей, это искусное изделие Петра Великого»⁵⁰.

В 1738 году увидело свет сочинение Антиоха Кантемира «Описание Кронштадта и Петербурга». В своем трактате он описывает сооружения Заячьего острова по прежнему принципу: сначала крепость, а затем — собор: «Крепость, или цитадель, стоит на одном маленьком островке на Неве у Петербургского острова. Она совсем не регулярная, так как пришлось приспособливаться к ее местоположению, и представляет собой продолговатый шестиугольник. В 1703 году крепость возвели с земляными стенами, которые в 1710 году заменили высокими стенами и бастионами⁵¹, кирпичными от самого основания и окрашенными с наружной стороны в белоснежный цвет. На стенах и бастионах стоят по кругу в три ряда — один над другим — пушки, из которых самые нижние установлены так низко, что под них не может подобраться никакой враг. У башенки, который напротив Васильевского острова, есть одна-единственная оборонительная линия с орильоном, и к тому же он расположен так близко к другому, что стоящие на них могут различить друг у друга белки глаз.

В этой крепости стоит роскошная русская главная и кафедральная церковь во имя св. Петра и Павла, с красивой башней, на которой есть куранты; они, правда, играют не сами, а приводятся в движение определенным к этому человеком. В этой церкви имеет свою усыпальницу императорская фамилия»⁵².

⁴⁷ О. де ла Мотрэ... Указ. соч. С. 212—213.

⁴⁸ Тауэр — замок-крепость на берегу реки Темзы в Лондоне, основанная в конце XI века. До XVIII века была одной из королевских резиденций, до 1820 года — государственной тюрьмой, затем в Тауэре размещались монетный двор и обсерватория; ныне музей.

⁴⁹ Кук Джон. Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 416.

⁵⁰ Там же. С. 416—417.

⁵¹ Точнее, земляные стены Петропавловской крепости начали заменять на каменные в 1706 году.

⁵² Кантемир А. Д. Описание Кронштадта и Петербурга // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 459.

С давних времен Петропавловский собор был связан со многими важными событиями. Вот что писал, например, французский посланник в Петербурге маркиз Ж.-И. де ля Шетарди накануне кончины всероссийской императрицы Анны Иоанновны (17 октября 1740 года): «Царица, желая все более и более выразить радость свою от счастливого разрешения принцессы Анны, приказала отслужить в воскресенье молебен в Петропавловском соборе в крепости. Все коллегии были приглашены туда, и был по тому же случаю общий залп артиллерии с крепости и Адмиралтейства. При том объявили во всех церквах, что принцесса Анна, племянница императрицы, счастливо разрешилась сыном, и небо даровало племянника Ее Величеству... Царица желала и приказала, чтобы молебствовали о том во всей ее империи и стреляли из пушек везде, где они есть. Вчера ребенок был окрещен в комнате царицы, где присутствовали духовенство, фельдмаршалы, полные генералы и нынешние государственные министры»⁵³.

Здесь речь идет об Анне Леопольдовне, племяннице Анны Иоанновны, которую императрица взяла на воспитание в 1730 году. В 1739 году Анна Леопольдовна была выдана замуж за принца Брауншвейг-Люнебургского; 5 октября 1740 года ее новорожденный сын Иоанн Антонович был объявлен наследником престола. После смерти Анны Иоанновны регентом при малолетнем царе стал герцог Э.-И. Бирон. 25 ноября 1741 года Анна Леопольдовна была низложена и вместе со своим семейством сослана в Холмогоры, где и скончалась.

О погребении Анны Иоанновны в Петропавловском соборе пишет Эрнст Миних: «Незадолго до праздника Рождества Христова совершено погребение императрицы Анны Иоанновны со всеми употребительными в России обрядами наивеликолепнейше. Принцесса шествовала за гробом пешком»⁵⁴.

Эпоха Елизаветы Петровны (1741—1761). 30 апреля 1756 года во время сильной грозы молния ударила в колокольню Петропавловского собора. В один миг весь шпиль оказался объят пламенем. Во время пожара сгорели часы с курантами, расплавились колокола. Императрица Елизавета Петровна повелела установить на колокольне новые часы взамен уничтоженных пламенем. Правительствующий Сенат просил российского посланника в Голландии графа Головкина «приискать готовые часы для перемещения их в Петропавловскую крепость или же, если таковых не найдется, заказать их вновь лучшим и искуснейшим мастерам»⁵⁵.

Поиски были начаты, и уже 7 июля 1757 года был заключен соответствующий контракт с голландским мастером Оортом Крассом. Спустя три года, в 1760 году, часы были готовы, однако сама колокольня, для которой они предназначались, еще не была восстановлена. Так как в 1764 году Оорт Красс скончался, в 1765 году сборка часов и их установка на колокольню были поручена петербургскому часовому мастеру Иоганну Ридигеру. Новый шпиль был возведен в 1775 году, а в конце 1776 года жители столицы снова слышали музыку, которая умолкла из-за пожара 20 лет назад⁵⁶. «30 апреля 1756 года молния ударила в шпиль колокольни, отчего верх ее, карильон и часы были испорчены, — пишет фон Реймерс. — Когда в 1776 году колокольня была снабжена громоотводом, часы были отремонтированы»⁵⁷.

⁵³ Маркиз де ля Шетарди в России (1740—1742). СПб., 1862. С. 103—104. Письмо от 30 августа 1740 года.

⁵⁴ Эрнст Миних. Записки // Безвременье и временщики. Воспоминания об «Эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). Л., 1991. С. 181.

⁵⁵ Лавры, монастыри и храмы... С. 82.

⁵⁶ Там же. С. 82—83.

⁵⁷ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 106—107.

Что же касается новых колоколов, то они были установлены взамен расплавленных гораздо раньше. Это подтверждается свидетельством шведского пленного — графа Гордта, томившегося в Петропавловской крепости с 1759-го по 1762 год. «Колокольный звон... в России не прекращается, можно сказать, день и ночь, — писал он о звонах на колокольне Петропавловского собора. — Бесперывный звон этот, без сомнения, требуется греческим обрядом»⁵⁸.

Потомок знатного шведского рода, граф Гордт (родился около 1720 года) поступил на прусскую службу к Фридриху II и участвовал в Семилетней войне (1756—1763). В 1759 году он был взят в плен русскими войсками и провел в заключении более двух лет. Судя по воспоминаниям Гордта, пребывание в мрачных казематах Петропавловской крепости было для него не очень обременительным. «Я запасся чаем, кофеем, сахаром, а по вечерам мне приносили на ужин рябчиков и икры, — вспоминал впоследствии он. — В праздничные дни толпы народа проходили в церковь, которая находилась против моих окон»⁵⁹.

Шведскому пленнику позволялось даже выходить за пределы темницы и прогуливаться по двору крепости. Вполне понятно, что Гордт не преминул зайти в собор в сопровождении приставленного к нему гренадера. «Собор обратил на себя мое любопытство; по архитектуре это один из прекраснейших храмов, какие только существуют, — писал шведский автор. — Я заметил благодаря свету неугасимой лампы, горевшей среди храма, две великолепные гробницы — императора Петра I и императрицы Анны... Я сел в пространстве, разделяющем эти гробницы, и предался размышлениям о превратностях людского величия»⁶⁰.

25 декабря 1761 года скончалась императрица Елизавета Петровна; перед смертью она объявила своим наследником племянника, герцога Голштинского, перешедшего в православие с именем Петра Феодоровича. Это событие ускорило освобождение графа Гордта из Петропавловской крепости. «Однажды утром (26 декабря), — вспоминал граф, — я проснулся и намеревался приступить к обыкновенным моим занятиям, как вдруг из крепости раздались три пушечных выстрела и затем последовал непрерывный ряд их. Потом поспешно вошел в мою комнату офицер и объявил мне о кончине императрицы и о восшествии на русский престол Петра III...»⁶¹

О кончине императрицы Елизаветы и приготовлениями к ее погребению сообщает датский посланник Гакстгаузен.

Петербург 11/22 января 1762 г. С большим рвением здесь работают над катафалком, для сооружения которого ничего не щадят; это будет прекрасное, достойное восхищения, произведение; вскоре тело императрицы будет выставлено на этом катафалке. Всем, даже простому народу, разрешается вход во дворец и в ту комнату, где умерла императрица и где, со второго дня ее смерти стоит ее тело, здесь все приходящие целуют ее руку. Погребение императрицы назначено теперь на 2-е февраля старого стиля⁶².

Петербург 18/19 января 1762 года. Тело ее Величества покойной императрицы перенесено в другое помещение и выставлено, под балдахином, на роскошном ложе, чрезвычайно богато разукрашенном золотыми позументами; двор был так внимателен, что уведомил об этом иностранных посланников, чтобы они могли иметь

⁵⁸ Плен графа Гордта в России (1759—1762) // Русский архив, 1877. Кн. 2, № 5—8. С. 307.

⁵⁹ Там же. С. 308.

⁶⁰ Там же. С. 309.

⁶¹ Там же. С. 311.

⁶² Донесения датского посланника Гакстгаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 года // Русская старина, 1915. № 3. С. 537—538.

честь поклониться, в первый раз, покойной императрице, все мы сочли своей обязанностью воспользоваться этим уведомлением. Черты лица императрицы еще несколько не изменились, и она больше походит на человека спящего, чем на мертвого⁶³.

Петербург 29 января/9 февраля 1762 г. Двор был так вежлив по отношению к иностранным посланникам, что снова уведомил нас, что тело покойной императрицы теперь выставлено под катафалкой; чтобы снова увидеть покойную императрицу, нам следовало только отправиться во дворец; на следующий день после предупреждения мы отправились туда и в последний раз имели честь видеть эту государыню. Катафалка так прекрасна, что в этом роде ничего нельзя себе представить великолепнее и величественнее. На голову покойной императрицы, уже лежащей в гробу, надета корона из золота, стоимостью, как говорят, в 10 т. рублей; корона эта остается на государыне и в могиле. По обеим сторонам катафалки выставлены знаки отличия и ордена Империи и два ордена иностранных, а именно — прусский и польский. Более 130 тысяч аршин черного сукна было употреблено на ковры и обивку; даже снаружи часть дворца обтянута черным сукном. Похороны назначены на то же число, что и прежде — через неделю, считая с этого дня. Улицы, по которым будет шествовать похоронная процессия, покрыты лесами и досками; все это будет обито черным сукном. Сами Их Величества предполагают идти за гробом от дворца до крепостного собора, где будет похоронена покойная императрица. Считают, что шествие продлится от 4-х до 5 часов⁶⁴.

Что же касается графа Гордта, то он был освобожден из темницы и даже смог наблюдать проводы императрицы в последний путь, что и засвидетельствовал в своих мемуарах. «Церемония эта была очень пышна и великолепна, но вместе с тем и очень мрачна, — пишет граф. — Тело государыни должно было быть перенесено в крепостную церковь, где, как я уже заметил, хоронятся все русские цари; пространство же от дворца до крепости равняется почти немецкой полумиле⁶⁵, а потому на всем пути от самого дворца до церкви, по всем прилегающим улицам и на льду через Неву положили доски вроде моста. В 10 часов утра раздался благовест со всех церквей, и войска вытянулись шпалерами на всем протяжении, по которому следовала процессия. Триста человек первого гвардейского полка открыли шествие, и более трехсот священников в полном облачении и с пением следовали за ними, по двое в ряд... Лишь только поезд (процессия. — *Авт.*) тронулся, началась пальба из пушек, по выстрелу в минуту, и продолжалась до тех пор, пока гроб не был внесен в церковь, а затем последовало триста выстрелов из крепости и Адмиралтейства. Тот же порядок был соблюден и по окончании погребения, во время возвращения всех присутствовавших во дворец»⁶⁶.

Свидетелем погребения императрицы Елизаветы в Петропавловском соборе был и флигель-адъютант Петра III — полковник Давид Рейнгольд Сиверс (1732—1814), родом из Голштинии. 5 февраля Сиверс участвовал в перенесении тела Елизаветы Петровны в крепость, о чем свидетельствовал, что «там оно оставалось до погребения 4 недели, простояв 6 недель во дворце, где денно и ночью служились панихиды... В день погребения каждую минуту раздавался выстрел из ста с лишком пушек. Заупокойная обедня длилась три часа»⁶⁷.

Эпоха Екатерины II (1762—1796). Многие иностранцы, посещавшие Петропавловский собор, в своих записках в первую очередь уделяли внимание гробнице Петра I.

⁶³ Указ. соч. // Русская старина, 1915. № 4. С. 37.

⁶⁴ Указ. соч. // Русская старина, 1917. № 1. С. 115—116.

⁶⁵ Немецкая миля равна 7,4 километра. — *Прим. авт.*

⁶⁶ Плен графа Гордта в России... С. 321—322. — 27 февраля 1762 года (н. ст.) граф Гордт выехал за границу; в 1770-х годах он еще дважды посещал Россию в свите прусского принца Генриха.

⁶⁷ Император Петр Третий. Записки Д.-Р. Сиверса // Русский архив, 1909. № 2. С. 520—521.

Из записок Уильяма Ричардсона (ноябрь 1769 года): «Останки Петра лежат в церкви внутри замка. Они содержатся в мраморном ковчеге, на котором выбито его имя, и сверху он покрыт зеленым бархатом с золотой вышивкой. Рядом с ним находятся останки некоторых других государей, и там же — конские хвосты и штандарты, взятые у турок в последней кампании. Замок расположен на маленьком острове, напротив Зимнего дворца, и окружен самым широким рукавом Невы»⁶⁸.

Из записок барона Христиана Генриха фон Гайлинга (1770): «27 июня поехал в шляпке посмотреть крепость. Там содержатся заключенные, как в парижской Бастилии. Здесь нечего смотреть, кроме церкви, собора св. Петра и св. Павла, где похоронены властители этой страны, такие, как Петр I, его супруги, императрицы Анна и Елизавета. Здесь хранятся также турецкие и шведские трофеи»⁶⁹. «<...> 26-го сентября вышел из дома примерно в 10 часов, чтобы присутствовать на обедне в крепости в честь Петра Великого. Так как праздник совпал с победой флота, служилась обедня с большей торжественностью при участии всего двора, тем более что этот великий монарх был основателем русского флота»⁷⁰.

Из записок Натаниэля Уильяма Рэкселла⁷¹ (11 июля 1774 года): «В церкви крепости покоится тело Петра I и государей, наследовавших ему после его кончины, в гробницах, рядами друг к другу, но ни один из них не имеет мраморного монумента, возведенного в его память. И нет никаких других причин прийти путешественнику в этот храм, кроме мысли о том, что он хранит гроб с останками Петра, и смешанного чувства почтения и удовольствия, которое он может испытать от его созерцания.

Один только монарх исключен, как будто он не достоин быть погребенным со своими прародителями и предшественниками на троне России. Это несчастный Петр III, который после смерти был выставлен в течение нескольких дней в монастыре св. Александра Невского, в нескольких милях от города, чтобы убедить людей, что он не претерпел никаких страданий, а окончил свою жизнь естественно. После этого он частным образом был там погребен»⁷².

Из записок Генриетты Каролины Гессен-Дармштадтской (9 сентября 1773 года): «Сегодня состоялась служба в память тех, кто погиб в войнах со времен Петра Великого. По поводу этого я вчера спросила графа Панина: „Вы не признаете чистилища, но почему проводите это богослужение?“ Он ответил: „Нам ясно дали понять, что только для того, чтобы живые помнили о тех, кто погиб за родину“. Я была в крепости, где находится греческая (то есть православная. — *Авт.*) церковь Петра и Павла. Богослужение имело скорбное настроение; когда служба закончилась, я подошла к гробнице Петра I, другие меня совсем не интересовали; затем я прошла посмотреть трофеи, захваченные у Турции в последней войне, они многочисленны. В крепость, которая образует остров, я плавала в шалупе»⁷³.

⁶⁸ Ричардсон Уильям. Письмо XXII (отрывок). Ноябрь 1769 года // Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Неизданные письма 1770-х годов. СПб., 2013. С. 53.

⁶⁹ Записки барона Христиана Генриха фон Гайлинга о поездке в Россию в 1770–1771 гг. // Новая и новейшая история, 2000. № 5. С. 121.

⁷⁰ Там же. С. 128.

⁷¹ Рэкселл Натаниэль Уильям (1751–1831) — английский путешественник, в 1780–1794 годах был членом английского парламента.

⁷² Рэкселл Натаниэль Уильям. СПб., 11 июля 1774 года // Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Неизданные письма 1770-х годов. СПб., 2013. С. 123–124.

⁷³ Генриетта Каролина Гессен-Дармштадтская. СПб., 9 сентября н. ст. 1773 года // Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Неизданные письма 1770-х годов. СПб., 2013. С. 211–212. (Шалупа (фр. chaloupe) — рыбацкая лодка; шляпка (от нидерл. sloep) — общее название малого беспалубного мореходного судна для транспортирования людей и грузов.)

По традиции в Петропавловском соборе хранились неприятельские знамена, доставлявшиеся сюда после каждой новой победы российского оружия. Вот один из документов, относящийся ко времени Русско-турецкой войны 1768—1774 годов. Обращаясь к Новгородскому и Санкт-Петербургскому митрополиту Гавриилу, императрица Екатерина II писала: «Как ныне получено от командующего армией генерала князя Голицына известие о вторичной победе, одержанной над неприятелем, случившейся в 21 число прошедшего месяца, то есть на третий день после первой баталии, знаки же оных побед отосланы в соборную церковь святых апостол Петра и Павла, то, Ваше Преосвященство, прикажите в будущее воскресенье во всем городе по церквам отправить благодарный молебен за дарованные от Всевышнего Творца нам над неприятелем сии обе победы. Екатерина. Царское Село, 12 мая 1769 года»⁷⁴. Вскоре после этого — в ближайшее воскресенье, 17 мая, членами Синода был совершен благодарственный молебен в Петропавловском соборе, а приходским духовенством — во всех церквах российской столицы.

«Внутри церкви вдоль трех ее стен — множество отнятых у турок знамен и других знаков побед, турецкие военные знаки различия, конские хвосты и польские знамена, — короче, трофеи всяческого рода, — пишет Генрих фон Реймерс. — Большинство из них приписывается времени двух победоносных войн с турками в правление Екатерины Великой; здесь можно найти ключи от Варшавы и хлеб-соль, поднесенные после ее завоевания жителями этого города фельдмаршалу Суворову в 1794 г. Здесь же ключи от Корфу и других крепостей Архипелага, попавших в руки победителей при Павле I в конце прошлого [XVIII] столетия, во время русско-французской войны. Примечательно, что главное знамя турецкого флота, разбитого при Архипелаге в 1770 г., Екатерина Великая в 1772 г. возложила ко гробу великого основателя русского флота. Это знамя все еще находится в изножии саркофага Петра Великого, а сверху на нем укреплен на шарнире медаль, выбитая 17 мая 1803 г. по приказанию Александра I в связи со столетним юбилеем Петербурга»⁷⁵.

11 мая 1779 года Петропавловский собор посетил де-Корберон. «Я переехал, на лодке, на противоположную сторону реки, где осмотрел крепость, стоящую на острове, пишет французский дипломат. — Она занимает очень большое пространство, среди которого стоит церковь, вмещающая гробницы Петра I, Екатерины I, Елизаветы. Гробницы эти каменные и очень простые. Сама церковь недурна; над нею возвышается шпиль с шаром на вершине, на котором поставлен ангел и все сплошь вызолочено. Трудно понять каким образом можно было установить там фигуру. Говорят, что тот, кто догадался как это сделать и смело выполнил свой план, был вознагражден четырьмястами рублей»⁷⁶.

14 июля 1787 года Петропавловскую крепость осматривал Франсиско де Миранда. Вот что представилось взору посланцу из далекой Венесуэлы: «Войдя в ворота, увидел на стене на мраморной плите две отметки, указывающие, на какую высоту поднималась вода во время двух последних случившихся в городе наводнений. Согласно этим отметкам, во время первого высота воды в Неве достигала 8 футов 3 дюймов, во время второго — 9 футов 11 дюймов, причем тут нет ни отметей в реке, ни возвышенностей на берегу.

Зашли в церковь, построенную в итальянском стиле, творение Петра I. Здесь находятся гробницы самого Петра, его жены Екатерины I, императриц Анны и Елизаветы,

⁷⁴ Из бумаг митрополита Новгородского и С.-Петербургского Гавриила // Русский архив, 1869. С. 1569—1570.

⁷⁵ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 108.

⁷⁶ Интимный дневник шеваля де-Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II (из парижского издания). СПб., 1907. С. 203.

покрытые вышитыми шелковыми покрывалами, напоминающими о Константинополе и вообще о Востоке. В хранилище нам показали греческий крест из слоновой кости, выточенный на токарном станке Петром I, который, судя по всему, очень любил такие работы. С самого верха колокольни, куда мы поднялись, открывается вид на цитадель и почти на весь город, его окрестности и проч.»⁷⁷.

Борец за независимость Испанской Америки отбыл из Санкт-Петербурга в том же 1787 году, а в следующем, 1788 году в российскую столицу прибыл Луис дель Кастильо. Он также посетил Петропавловскую крепость и в своих заметках уделил значительное место ее описанию. «Когда Петр I основал сию столицу, здесь еще побаивались шведов, по каковой причине сей монарх повелел возвести цитадель на Петербургском острове, он же Петербургская сторона, дабы отражать всяческие поползновения неприятеля, — пишет испанский дипломат. — Поскольку с тех пор обстоятельства переменялись, цитадель утратила свое назначение и ныне служит лишь тюрьмою для государственных преступников и для военнопленных. Здесь также хранится императорская казна, ибо здесь чеканится монета; а в праздничные дни здесь производятся салюты. Покуда на Неве открыто судоходство, каждодневно на восходе и на закате в крепости стреляет пушка, в знак того, что перед выстрелом утренним и после выстрела вечернего все жители должны пребывать на покое.

Внутри сей крепости находится вторая кафедральная соборная церковь (ибо первою является Казанская), именуется храм сей собором святого Петра и святого Павла, колокольня весьма высока, а шпиль оной весь вызолочен. Во храме находятся гробницы Петра I, императрицы Екатерины I, его супруги, царевича Алексея и его супруги, принцессы Вольфенбюттельской, и двух императриц, Анны и Елисаветы; саркофаги у всех прямоугольные, под бархатными покрывалами с золотою бахромою, а в середине вышито имя того, кто там покоится. Равным образом хранятся в сем храме все воинские трофеи, отвоеванные у турков и других противников»⁷⁸. Таковы лишь некоторые события русской истории, связанные со столичным кафедральным собором.

Начало XIX столетия. С воцарением императора Павла I в 1796 году усыпальница Петропавловского собора приняла тело еще одного представителя царствовавшей династии. Об этом пишет французский аббат Жоржель, прибывший в Петербург в качестве посланца Мальтийского ордена. Упомянув о том, что «собор, или церковь в честь святых Петра и Павла, находится посреди крепости; снаружи он замечателен лишь своим золоченым шпилем, а внутри гробницами Петра I, супруги его Екатерины I, императриц Анны и Елизаветы, Петра III и Екатерины II»⁷⁹, аббат Жоржель продолжает: «Павел I велел перенести туда тело своего отца (Петра III. — *Авт.*). Вся Европа знает трагическую кончину этого императора и историю захвата власти его супругой. После умерщвления он был без всякой пышности похоронен в церкви святого Александра Невского. По восшествии на престол его сын велел вырыть из земли тело отца, положить его на парадное ложе во дворце, воздать ему все почести, приличествующие государю, и приказал затем похоронить его рядом с Екатериной II в соборе... Эта церковь, — добавляет аббат Жоржель, — от пола до сводов увешана трофеями, отнятыми у врагов империи»⁸⁰.

Французская писательница Жермена де Сталь, побывавшая в России в 1812 году, вторит своему соотечественнику. «Я видела крепость, в ограде которой находится цер-

⁷⁷ Миранда Франсиско де. Российский дневник. Москва—Санкт-Петербург. М., 2000. С. 127.

⁷⁸ Кастильо Луис дель. Краткий хронологический компендиум истории и нынешнего состояния Российской империи // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 40.

⁷⁹ Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла I. М., 1913. С. 127.

⁸⁰ Там же.

ковь, где помещаются гробницы всех государей, начиная с Петра Великого: эти гробницы не спрятаны в склепы, а выставлены как в день похорон; чувствуешь себя совсем рядом с этими мертвецами, от которых тебя отделяет лишь простая доска, — пишет Жермена де Сталь. — Когда Павел I вступил на трон, он приказал короновать останки своего отца Петра III, который не мог покоиться в крепости, не удостоившись этой чести при жизни. По приказу Павла I вновь провели церемонию похорон его отца и его матери Екатерины II»⁸¹.

В записках Генриха фон Реймерса (1805) содержится перечисление всех захоронений, имевшихся к тому времени под сводами Петропавловского собора. Что же касается обстоятельств перезахоронения Петра III, немецкий автор не «выпячивает» данное событие в основном тексте, однако в сносках приводит интересные подробности этой истории.

Петропавловская церковь хранит в себе останки незабвенного основателя рода и всех его преемников, за исключением Петра II, который, как известно, умер в 1730 году в Москве от оспы и был упокоен в тамошнем соборе Михаила Архангела. Гробницы императоров и императриц лишь обозначены приподнятыми над полом церкви саркофагами, или скорее, деревянными ящиками, на которые наброшены затканые золотом, отделанные горностаем покрывала. Подобным же образом отмеченная гробница герцогини Голштинской Анны Петровны, дочери Петра Великого, составляет единственное исключение. В изголовье, по узкой стороне саркофага, на медной дощечке можно прочесть имена покоящихся под нею императора или императрицы, тела которых, как и тела почивших впоследствии принцев и принцесс крови, замурованы под полом церкви: дети Петра Великого и Екатерины I Наталия и Маргарита Петровны, умершие обе во младенчестве, Павел Петрович, рожденный в Везеле и там же 2 января 1717 г. умерший; Алексей Петрович, упокоенный 26 июня 1718 года в возрасте 29 лет; Петр Петрович, умерший в 1719 году, едва достигнув возраста трех лет; Анна Петровна, герцогиня Голштинская, которая умерла в Киле в 1728 г.⁸²; далее — Шарлотта Кристина София (дочь герцога Людвиг Рудольфа Брауншвейг-Бланкенбургского, кронпринцесса и супруга цесаревича Алексея Петровича с 1711 г.), умершая в родах в 1715 г., Марфа Матвеевна, урожденная Апраксина, супруга царя Федора Алексеевича, сводного брата Петра Великого, умершая в 1716 г., царевна Мария Алексеевна, сводная сестра Петра Великого, которая умерла в 1723 г.

Гробницы Петра Великого (1725 г.) и Екатерины I (1727 г.) до 1731 г. стояли посреди церкви на сооруженном специально катафалке под богато украшенным балдахинном; впоследствии императрица Анна указала место — первому сразу же справа от входа, перед алтарем, а последней — рядом, где они и покоятся по сей день. Перед этими двумя захоронениями — саркофаг их дочери, императрицы Елизаветы Петровны, а перед ним — Анны Иоанновны. Прямо перед ними, вплотную к алтарю, возвышается гробница Екатерины Великой. На медной табличке выгравирована надпись: «Самодержавная Великая Государыня Императрица Екатерина Вторая родилась 1729 году апреля 21-го дня, погребена 1796 году декабря 18-го дня».

⁸¹ Русские глазами знаменитой француженки. Русские главы из книги Анны Луизы Жермены де Сталь «Десятилетнее изгнание» // Война 1812 года и русская литература. Исследования и материалы. Тверь, 1993. С. 151.

⁸² «В октябре 1728 г. останки умершей в Киле герцогини Голштинской Анны Петровны, супруги герцога Карла Фридриха, перевезены на яхте в Петербург и торжественно похоронены в крепостной церкви. Как уже было сказано, герцогиня здесь покоится перед алтарем недалеко от императора Павла I. Вышепомянутый герцог вместе со своей супругой из-за постоянных раздоров с могущественным князем Меншиковым в июле 1727 г. покинул Петербург и отправился на русском фрегате в Голштинию» (Реймерс Генрих фон. Указ. соч. С. 129).

Рядом — гробница Петра Третьего⁸³ со следующей надписью: «Самодержавный всея России великий Государь император Петр Третий родился 1728 году февраля 10 дня, погребен 1796 году декабря 18 дня»⁸⁴. Слева от алтаря стоит саркофаг упомянутой герцогини Голштинской, дочери Петра Великого Анны Петровны, а слева от него — саркофаг императора Павла Первого со следующей надписью: «Государь Император и Самодержец всероссийский Павел I, родился в 1754 году 20-го сентября, вступил на престол 1796 года ноября 6-го, великий магистр державного Ордена святого Иоанна Иерусалимского 1798-года декабря 16 дня, скончался 1801-го года марта с 11-го на 12-е, погребен того ж месяца 23-го числа»⁸⁵.

В 1803 году исполнилось 100 лет со времени основания Санкт-Петербурга, и этот юбилей был отмечен многими памятными событиями. Об одном из них повествует все тот же фон Реймерс.

По завершении торжественной церемонии высочайшее семейство направилось в Зимний дворец, где императору и императрице министром внутренних дел была представлена депутация от города, передавшая золотую медаль, на лицевой стороне которой был выбит профиль Петра Великого, увенчанный победоносной короной; над ним в воздухе — гражданская корона, освященная сиянием сверху, в виде апофеоза, которым древние торжественно встречали благодетелей народов, с надписью: «От благодарных потомков». На оборотной стороне медали можно видеть северного Геркулеса отдыхающим у стен города, основанного им в 1703 г.; на щите изображена панорама города в 1803 г.; 16 звезд, окружающих корону, указывают на день счастливого события (см.: *St. Pbg Zeitung*, № 41, Май, 1803). Затем депутация была представлена ее величеству императрице Марии Федоровне, которой она также имела счастье передать такую же медаль <...>

На следующий день, в воскресенье, 17 мая (в 11 час. утра) Правительствующий Сенат, собравшийся по предварительному приглашению, имел счастье получить от его императорского величества указ, в котором Сенату повелевалось: «Переданную вчерашнего дня медаль с подобающими почестями и приличествующими случаю церемониями перенести в кафедральный собор святых апостолов Петра и Павла и от имени России, коей великие первоначальные шаги и счастливое их свершение да пребудут благословенны, возложить ее на гробницу Отца Отечества как знак незабвенный на будущие времена того, сколь свята Его память для России».

На следующий день в вышеупомянутом соборе крепости при гробнице Петра Великого его святейшество митрополит Новгородский и С.-Петербургский в присутствии многочисленного духовенства провел богослужение, по окончании которого он торжественно возложил врученную ему медаль па гробницу бессмертного монарха, который будет вечно жить в анналах и сердцах благодарного потомства⁸⁶.

⁸³ Два дня спустя по воцарении (8 ноября 1796 года) император Павел I распорядился выкопать с предельной торжественностью останки своего отца из соборной церкви Александро-Невского монастыря, короновать их, а затем отца в закрытом гробу рядом с открытым гробом матери установить на катафалке в императорском Зимнем дворце, потом задрапированный же поставить в Петропавловской церкви в крепости. У первого несли почетный караул Алексей Григорьевич Орлов и Бярятинский, у последней — князь Платон Зубов вместе с прочими знатными персонами. В процессе торжественного погребения Петр III опередил свою супругу. Существует печальная гравюра, представляющая эксгумацию 8 ноября 1796 года (прим. Генриха фон Реймерса, № 71. С. 142).

⁸⁴ Всякому бросится в глаза, что даты смерти как Екатерины II (в ноябре 1796 года), так и Петра III (6 июля 1762 года) отсутствуют на медной табличке саркофагов. Едва ли не кажется, что первую умолчали, чтобы не называть второй, и тот, кто не знает истории, легко придет к предположению, что оба супруга правили совместно, умерли в один день и погребены вместе (прим. Генриха фон Реймерса, № 72. С. 143).

⁸⁵ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. С. 108.

⁸⁶ Там же. С. 52—53.

В период правления императора Павла I атмосфера веротерпимости в Петербурге оставалась прежней. Так, например, на кладбище, принадлежавшем Петропавловскому собору, как и прежде, погребались все коменданты крепости, к какому бы христианскому вероисповеданию они ни принадлежали⁸⁷. Вместе с тем именно на эти годы приходится немало печальных событий, омрачивших эпоху русского Просвещения.

Так, можно упомянуть о деле лютеранского пастора Зедера, жившего неподалеку от Дерпта (Тарту). Заботясь о духовном просвещении верующих, Зедер составил небольшую библиотеку для чтения, которой пользовались его прихожане. Цензор Туманский, назначенный на эту должность в Эстляндской губернии, желая показать свою бдительность, потребовал от Зедера каталог его библиотеки. В конце концов пастор был обвинен в том, что он продолжал держать библиотеку, несмотря на запрещение цензора, и распространял в кругу своих читателей «вредные начала, давая читать запрещенные книги революционного содержания»⁸⁸.

Дело было представлено императору в таком ложном свете, что он приказал немедленно арестовать пастора, посадить его в Петербургскую крепость и поручить Туманскому всенародно сжечь все его книги. Все бумаги пастора были изъяты, опечатаны; все книги — даже Библию — сложили в груды и сожгли. Пастора отправили в Петербург и там поместили в тюрьму. «Весь Петербург принимал участие в его судьбе, — писал Август Коцебу, немецкий драматург и романист (1761–1817), состоявший на русской службе в Остзейском крае. — За него (Зедера. — *Авт.*) просило все русское духовенство, что делает последнему большую честь»⁸⁹. Но все же пастор Зедер был сослан в Нерчинск; вернуться из Сибири ему было разрешено только при Александре I.

В 1818 году гостем Санкт-Петербурга был Хуан ван Гален. О том, что увидел испанский морской офицер в Петропавловской крепости, рассказывает его биограф: «Первым делом на Неве была возведена крепость, или цитадель, дабы обеспечить безопасность работ, которые производились на ее берегах; стены ее сделаны из гранита, а орудия защищают верфь и многие чрезвычайно многолюдные улицы, ведущие к санкт-петербургскому дворцу; внутри же цитадели в соборе Святых Петра и Павла хранятся трофеи русской армии начиная с Полтавской битвы и вплоть до Парижского похода Александра; Ван Гален с другом посетил великолепный этот собор и среди прочего видел множество турецких знамен, на иных из коих сохранились отпечатки окровавленных рук варваров, из которых знамена сии были вырваны. В крепости также содержатся государственные преступники и хранится казна короны»⁹⁰.

Эпоха Николая I (1825–1855). В 1826 году в Санкт-Петербург нанесло визит французское посольство по случаю коронации Николая I. В состав посольства был включен литератор Франсуа Ансело; ему принадлежит интересное описание Петропавловского собора. «Первое здание, поражающее взор и привлекающее к себе внимание внутри крепости, — Петропавловский собор. Здесь покоятся останки российских государей, начиная с Петра I. Могилы царей, предшествовавших этому монарху, находятся в Московском Кремле, — пишет французский автор. — Церковь св. Петра и Павла, длинной в двести десять и шириной в девяносто три фута, увенчана куполом и четырехгранной колокольней, оканчивающейся острым шпилем наподобие пирамиды, высотой в триста восемьдесят пять футов, включая фонарь, шпиль и крест. Эта колокольня, покрытая позолоченной медью, возвышается надо всем городом, и издалека кажется, что она возносится в небо прямо из Невы, чьи волны омывают валы форта. Внутри

⁸⁷ Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси... С. 90.

⁸⁸ Коцебу Август. Достопамятный год моей жизни. Воспоминания, часть I. СПб., 1879. С. 143.

⁸⁹ Там же. С. 145.

⁹⁰ Гален Хуан ван. Два года в России // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 59.

храм, главный свод которого поддерживают двенадцать колонн, украшен пилястрами, фризами и арабесками. Здесь также много картин на холсте, алтарь покрыт высокой резьбой, а царские врата, открывающиеся только тогда, когда служит архиепископ, замечательны своими размерами и необыкновенно богатым убранством. Служители Греческой Церкви не принимают Святых Даров при прихожанах; алтарь и священник отделены от верующих дверками, открывающимися лишь в отдельные моменты службы и почти сразу закрывающимися; они и называются *царскими вратами*⁹¹.

Далее Франсуа Ансело отмечает те отличия Петропавловского собора, которые выделяют его из ряда других храмов российской столицы. «Первое, что предстает взору, как толькоходишь в собор, — могилы российских царей, — продолжает французский литератор. — Это гранитные плиты без всяких украшений, с простыми бронзовыми табличками, указывающими имя государя, даты рождения и смерти и годы царствования. Трофеи, покрывающие стены храма, говорят громче любых эпитафий и напоминают о подвигах, знаменовавших царствование этих монархов. Богатые щиты, палицы, алебарды, персидские, молдавские и турецкие флаги овевают царственные могилы тенью славы.

В день Троицы народ стекается в крепость на праздник освящения вод. Я присутствовал при этой церемонии, объединяющей жителей Петербурга всех сословий, и мог любоваться великолепным видом, какой являют в этот момент стены цитадели. На этих темных стенах, привычных лишь к перекличке часовых, в этот день, единственный в году, появляется толпа, наслаждающаяся необычной прогулкой»⁹².

Читаем у Свиньи́на: «В день Преполовения и 1 августа бывают в крепости крестные ходы для водоосвящения, при чем собирается великое множество всякого звания людей и Нева покрывается разноцветными шляпками. В первый день всякому позволено гулять по крепостным валам, что придает сим безмолвным, грозным стенам необыкновенную живость»⁹³.

Преполовение празднуется восемь дней на половине Пятидесятницы, между праздниками Пасхи и сошествия Св. Духа (Троицы). Название заимствовано Церковью из Евангелия (Иоан., 7, 14–36), где сказано, что Иисус Христос в *преполовение* ветхозаветного праздника кущей «возгласил в храме, уча» (7, 28). В службе в день Преполовения прославляется учение о таинственной воде, под которой понимается благодатное учение Христово и благодатные дары Святого Духа. В некоторых церквях в среду Преполовения бывает выход на реки для совершения малого водоосвящения⁹⁴.

В заметках Джеймса Эдварда Александера, относящихся к 1829 году, можно найти некоторые сведения, дополняющие повествования его предшественников. «Переправясь через Неву по Троицкому мосту, можно увидеть крепость, стоящую на одном из островов, — пишет английский офицер. — Петр хотел, чтобы она стала центром столицы. Крепость невелика и с военной точки зрения не слишком интересна, она состоит из пяти бастионов и куртин; мое внимание привлек собор Петра и Павла, а также Монетный двор. Шпиль собора, покрытый чистым золотом, превосходит шпиль Адмиралтейства. Здесь похоронены Петр и его наследники; саркофаги под зеленым бархатом с монограммами этих знаменитых людей обнесены оградой. Вдоль стен церкви выставлены захваченные у врагов знамена и ключи от крепостей»⁹⁵.

Астольф Кюстин, побывавший здесь в 1839 году, намеревался посетить «русскую Бастилию» — крепостную тюрьму, но ему не пришлось побывать на «режимном объек-

⁹¹ Ансело Франсуа. Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 81.

⁹² Там же. С. 81–82.

⁹³ Свиньи́н. С. 168.

⁹⁴ Полный Православный богословский энциклопедический словарь (ППБЭС). Т. 2. СПб., 1913. С. 1901.

⁹⁵ Александер Джеймс. Россия глазами иностранца. М., 2008. С. 45.

те». «Мне не позволили заглянуть в казематы, ни в те, что находятся под водой, ни в те, что расположены под крышей; все они полны узников, — пишет не в меру любопытный француз. — Меня допустили лишь в собор — усыпальницу царствующей фамилии. Я стоял перед этими могилами и продолжал искать их глазами, не в силах вообразить, что эти покрытые зеленым сукном с императорским гербом простые каменные плиты, длиной и шириной не больше постели, скрывают под собой прах Екатерины I, Петра I, Екатерины II и многих других монархов вплоть до императора Александра»⁹⁶.

В XIX столетии, как и прежде, часть рavelинов Петропавловской крепости использовалась в качестве тюрьмы для разного рода государственных преступников, так что собор находился в непосредственной близости от казематов. Иностранцы, посещавшие собор, отмечали это обстоятельство; так, в январе 1846 года леди Блумфильд, жена британского посланника в Петербурге, записала в своем дневнике: «Мы впервые поехали через Неву в крепость и посетили Петропавловский собор, где похоронена императорская фамилия. Гробницы покрыты черными бархатными чехлами с инициалами усопших. Собор красив и хорошо отоплен. Лампады теплятся у разных икон, и там собраны знамена, взятые в сражениях. Стены крепости с одной стороны омывает Нева. Это — государственная тюрьма, очень мрачное на вид место»⁹⁷.

Еще одна англичанка — Рэне (Рената) Винсон (1832–1908) — оставила краткие заметки о Петропавловской крепости, хотя у нее была возможность подробно осмотреть ее сооружения: в Санкт-Петербурге она была нанята в качестве домашней учительницы в семью коменданта Петропавловской крепости генерала Мандерса. В своем письме родителям от 30 августа 1854 года она сообщала: «...крепость — это отдельный город, там есть собор и бесконечное множество казарм, затем Монетный двор, бастион, казематы, дом командира, дом майора, второй в крепости, затем дом адъютантов, затем парк и множество всяческих магазинов, так что, чтобы попасть на ближайший к крепости остров, требуется длинная прогулка, которую мы часто совершаем»⁹⁸.

Эпоха Александра II (1855–1881). 5 февраля 1857 года в Петропавловской крепости побывал Хуан Валера. В заметках испанского писателя неизбежны повторы, но есть кое-что из того, о чем не упомянули его собратья по перу. «На днях мы осмотрели цитадель Санкт-Петербурга, но после того, как мы увидели шесть тысяч пушек Кронштадта и его громадные стены из гранита, эта цитадель, хотя надежная и хорошо укрепленная, кажется карточным домиком, — сообщает Хуан Валера. — Внутри нее, однако, есть тысяча достопримечательностей, интересных для путешественника. Церковь здесь очень красива, и почти все императоры, императрицы и великие князья, начиная с Петра Великого до Николая I, погребены здесь. Могилы их слишком просты для столь значительных персон. Правда, они покоятся словно в шатре, в окружении множества вражеских знамен, взятых русскими, которые украшают стены храма. Здесь среди военной славы России они спят последним сном. В крепости мы видели также огромную лодку, на которой обычно плавал царь Петр Великий по Ладожскому озеру, несколько предметов из слоновой кости и раму резного дерева, выполненные самим царем»⁹⁹.

Александр Дюма побывал в России в 1858 году. В его записках о святынях Петербурга большое место уделено Петропавловскому собору. В то время шел ремонт колокольни, что и отметил французский писатель: «Я проехал через Деревянный мост, раз-

⁹⁶ Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году. Т. 1. М., 1996. С. 138.

⁹⁷ Из воспоминаний леди Блумфильд // Русский архив, 1899, № 6. С. 226. Запись от 3 января 1846 года.

⁹⁸ Чезаре Дж. де Микелис. Вальденсы в Петербурге // Образы Петербурга в мировой культуре. СПб., 2003. С. 407.

⁹⁹ Валера Хуан. Письма из России. СПб., 2001. С. 156.

глядывая крепость, колыбель Санкт-Петербурга, и колокольню собора Петра и Павла, всю в лесах. Эти леса были так же красивы, как сама колокольня; они показались мне произведением искусства, которое, наверное, можно было бы сравнить с самой колокольней, какой бы прекрасной она ни явилась однажды из-под них»¹⁰⁰.

Как и «вредоносный» Астольф Кюстин, Александр Дюма также выискивал «негатив» в тогдашней российской действительности. Поэтому он «заикливается» на ремонте Петропавловской колокольни — с соответствующими комментариями: «Прежде всего в глаза бросается то, что колокольня Петропавловского собора одета в леса: ее реставрируют. Вот уж год как поставили леса, и они будут стоять еще год, два, а возможно, и три. В России это называется „подновление траченого“, но можно перевести и как «присвоение растраченного». В России невозможно, как говорят у нас в народе, поужаться в трагах; здесь всякая трата неизбежно переходит в растрату, и, однажды начав, здесь никак не могут остановиться. <...> Так чему удивляться, ежели леса на колокольне Петропавловского собора простоят год, два — хоть и десять лет! Удивительно будет, если их вообще когда-нибудь снимут»¹⁰¹.

Будучи представителем авантюрного жанра, Александр Дюма и при описании петербургских святынь остается верным своему стилю. Вот как он развлекает своих читателей.

Между тем с колокольней Петропавловского собора приключилась пренеприятная история, которая, должно быть, заставит архитектора ускорить ремонтные работы. В тысяча восемьсот тридцатом году заметили, что одно крыло у ангела, который венчает колокольню, да к тому же служит флюгером, надломилось и грозит свалиться при первой же сильной буре. Для починки ангельского крыла потребовалось бы воздвигнуть леса очень высокие и потому очень дорогие: высота колокольни сто пятьдесят пять английских футов, то есть приблизительно четьреста футов французских. Прикинули, что такие леса обойдутся в двести тысяч франков. Очень дорого, если вспомнить, что и всего-то надо будет вбить в ангельское крыло четьре гвоздя: выходит, что пятьдесят тысяч за гвоздь. Совещались, совещались и начали уж было склоняться к мысли, что Бог с ним, с этим крылом, пусть себе падает. Уж нашлись и такие радетели-экономы, которые полагали, будто, сбросив одно крыло, ангел станет легче поворачиваться и точнее показывать направление ветра. Но тут как раз некий крестьянин по имени Петр Телушкин, по занятию своему кровельщик, попросил у властей разрешения на ремонтные работы, которые он брался провести безо всяких лесов и других затрат, кроме платы за его труд, да и в этом полагался на щедрость архитектора. Предложение показалось заманчивым и было принято.

Работу Телушкин выполнил, к вящей славе своей, только с помощью веревки, молотка и гвоздей, да ведь и следует учесть, что молоток и гвозди предназначались одному ангелу и никакой помощи от них при подъеме не было. Велика была радость петербуржцев и гордость простого народа, когда все увидели, как Телушкин добрался до цели и, осенив себя крестным знаменем, возблагодарил Господа за то, что Тот в своей милости не допустил, чтобы Телушкин свернул себе шею. Крыло было водворено на место, а Телушкин вновь оказался на мостовой, которую покинул пять дней назад, — камни, конечно, качались, что свойственно мостовым Санкт-Петербурга, но все же не до такой степени, как золоченый бронзовый шпиль, по которому Телушкин только что поднимался и спускался. Внизу его ждала ликующая толпа и разъяренный архитектор. Средь шумных изъявлений народного восторга архитектор пробрался к Телушкину и сказал:

¹⁰⁰ Дюма Александр. Путевые впечатления в России. Т. 1. М., 1993. С. 274.

¹⁰¹ Там же. С. 294, 296.

- Крыло прибито криво.
- По-моему, Ваше благородие ошибается, — сказал тот.
- А я говорю: крыло косо, — настаивал архитектор.
- Ну так ступайте, да и исправляйте сами, — сказал Телушкин и ушел.

И так как вознаграждение зависело от доброй воли архитектора, то Телушкин ничего не получил. Он ушел, и за несколько месяцев о нем никто и не вспомнил. Но как-то раз господин Оленин, директор Академии, услышал обо всех этих перипетиях и о том, что несчастный кровельщик никакого вознаграждения так и не получил; приказав ему явиться, господин Оленин еще раз выслушал историю с начала до конца и представил мастерового императору Николаю, который наградил Телушкина медалью и четырьмя тысячами рублей серебром.

Получив в руки такое богатство, Телушкин погиб. До той поры, то ли из-за отсутствия средств, то ли по своей умеренности, он не пил. А начиная с того самого дня, как он получил капитал, Телушкин пил без просыпу. К несчастью, в России пьянство в некоторой мере поощряется правительством; право на торговлю вином и другими напитками, которыми под тридцатью разными названиями утоляет жажду русский народ, предоставлено спекулянтам, называемым «откупщиками». Так что, чем больше народ пьет, тем больше доход государству. Телушкин принялся изо всех сил обогащать казну. В результате во время холерного бунта тысяча восемьсот тридцать первого года он, вдребезги пьяный, очутился на Сенной площади, в самом горячем месте бунта, и выбросил в окно с четвертого этажа некоего лекаря. И каким бы сведущим этот лекарь ни был, от удара он скончался на месте. Телушкин, опознанный одним из зачинщиков бунта и уличенный в том, что это он выбросил врача в окно, был приговорен к битью кнутом и ссылке в Сибирь. Его били кнутом и погна-ли в Сибирь. С тех пор о нем и слуху не было¹⁰².

Тщетно ожидать от «легковесного» Дюма описания святынь Петропавловского собора. В его поле зрения попала лишь фигура царевича Алексея, «убиенного» по приказу отца — Петра I: «Русская империя, выйдя из рук Петра Великого еще не сформированной, простирается сегодня на треть земного шара и прославляет своего создателя на тридцати различных языках, а Алексей, затерянный в углу церкви святых Петра и Павла, спит в немой могиле всего шести футов длиной!»¹⁰³

«Вину» Александра Дюма искупает не менее известный писатель — Льюис Кэрролл, побывавший в Петропавловской крепости 30 июля 1867 года. Описывая «кафедральный собор», английский автор ошибался: кафедральным собором в XIX веке был Исаакиевский собор, а не собор апостолов Петра и Павла в одноименной крепости. Но для иностранца это простительно, тем более что его заметки представляют большой интерес.

«Мы посетили Кафедральный собор, расположенный в крепости: внутри великолепные украшения из золота и драгоценных камней, скорее роскошные, чем красивые, — пишет Кэрролл. — Водил нас по крепости русский солдат (служат здесь, по большей части, солдаты), чьи объяснения на родном языке не очень-то нам помогли. Здесь покоятся все (за исключением одного) русские императоры, начиная с Петра Великого: гробницы совершенно одинаковые — белый мрамор с золотым орнаментом по углам, массивным золотым крестом сверху и надписью на золотой пластине — и более ничего.

По всему храму — множество икон с горящими перед ними свечами и ящиками для пожертвований. Я видел, как одна бедная женщина с большим ребенком на руках пошла к изображению св. Петра: она вручила монетку стоявшему у дверей солдату,

¹⁰² Там же. С. 296–299.

¹⁰³ Там же. С. 245.

который опустил ее в ящик, потом долго крестилась и кланялась, тихонько приговаривая что-то, чтобы успокоить бедного малыша. По ее исхудавшему, измученному лицу было видно: она твердо верит в то, что таким способом убедит св. Петра помочь ее ребенку»¹⁰⁴.

Конец XIX — начало XX века. Посланец из Испании — Жасинт Вердагер, посетивший Петропавловскую крепость в 1884 году, начинает свое описание с «развесистой клюквы». Вот что он пишет о тамошнем храме: «Монументальное религиозное сооружение в городе — собор св. Петра и Павла (не святых апостолов, а царей, которых русские канонизируют с большой легкостью) (?) находится на укрепленном острове на Неве»¹⁰⁵. (Царский режим был все-таки авторитарным, а не тоталитарным. Это в Третьем рейхе официальная Церковь именвала Гитлера как «фюрера, ниспосланного небом», а в Советском Союзе Сталина — «богоданным вождем».)

Далее Жасинт Вердагер все же придерживается исторической канвы: «Венчающий собор позолоченный шпиль, высотой в 128 английских футов, который виден из любой точки Санкт-Петербурга, выделяется своей формой среди золоченых же куполов, которыми богата столица. Все русские цари, кроме Петра II, похоронены здесь, начиная с Петра Великого, покоящегося под собственным алтарем. Его супруга, Екатерина I, покоится рядом с мужем, в той же могиле. Саркофаг Николая I известен тем, что его украшает ключ от Варшавской крепости. На стенах и пилястрах множество штандартов, знамен, ключей от крепостей, кирас, рапир и т. д., взятых у шведов, поляков, французов и турок»¹⁰⁶.

Далее в череде испанских авторов встречаем Мануэля де Мендевиля, побывавшего в Санкт-Петербурге в 1901 году. Это было уже после кончины императора Александра III, что и отражено в следующих строках: «В Петропавловском соборе покоятся члены русской императорской фамилии, в мраморных гробницах, увенчанных имперскими орлами. Любопытно, что посетителям показывают памятные дары, которые послала Франция по случаю смерти отца современного монарха. Безутешная (сама Франция), рвет на себе одежду; с искаженным болью лицом и растрепанными волосами она оплакивает друга, в то время как другая фигура (Французский военный флот), стоя на морском берегу и опираясь на якорь, льет слезы, также сожалея об ушедшем навсегда союзнике...»¹⁰⁷

Со времен Петра I государей, за редчайшими исключениями, хоронили в Петропавловском соборе Петропавловской крепости. Последним из них там 7 ноября 1894 года был погребен Александр III, отец последнего российского монарха. Техника погребения была довольно сложной. В полу собора делали продолговатое отверстие для склепа глубиной около 2,5 м («три аршина»), шириной 1,5 м и длиной 2,5 м. Стены могилы выкладывали камнем, а затем облицовывали медью и устанавливали специальные штыри для закрепления крышек саркофага.

Траурная процессия обычно входила в собор в 10 часов 30 минут утра. Затем следовали торжественная литургия, отпевание и последнее прощание. Дворцовые гренадеры опускали в могилу гроб, закрываемый двумя массивными медными крышками, которые крепились на петлях по одной с каждой стороны склепа. Эти крышки запечатывались двумя печатями: министра Императорского двора и коменданта Петропавловской крепости. После этого ставили так называемые кружала (медный

¹⁰⁴ Кэрролл Льюис. Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник. СПб., 2013. С. 40.

¹⁰⁵ Вердагер Жасинт. Петербург (Из книги «Поездки и путешествия») // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 132.

¹⁰⁶ Там же. С. 131–132.

¹⁰⁷ Мендивиль Мануэль де. Санкт-Петербург // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 154.

каркас), на которые сводиком клали прочную кирпичную кладку. Отверстие могилы закрывали тяжелыми гранитными плитами. Первоначально над могилой ставили деревянное надгробие, обтянутое газетом — шелковой тканью с золотой нитью. По прошествии года временное надгробие заменяли многотонным мраморным.

До конца XIX века в Петропавловском соборе хоронили и царских родственников. В начале XX века для этих целей была построена рядом специальная великокняжеская усыпальница. Николай II, формально отрекшийся от престола, на самом деле с юридической и исторической точек зрения оставался монархом до последнего своего земного часа. То обстоятельство, что он передал властные prerogatives брату Михаилу и Временному правительству, теряло всякое значение после отказа Михаила и исчезновения Временного правительства¹⁰⁸.

Эпоха «великого перелома». 1920-е годы — это разгар атеистической пропаганды, в Петропавловском соборе уже нет богослужений, а иностранных туристов водят сюда как в музей. В начале 1930-х годов *Ленинград* посетила группа испанских туристов, среди которых был журналист, прозаик, поэт, драматург Феликс Рос (1912—1974). Он начинает рассказ о своих впечатлениях с Петропавловской крепости: «Ленинград — город религиозный, здесь целых три собора, на один больше, чем в Саламанке¹⁰⁹. Кто-то из классиков написал такие строки:

Голубиный остров, остров избранный...

Хотя терновый венец с Христа снимали не голубки, а ласточки. Остров ласточек. Или просто — остров, как этот на Неве, рядом с левой щекой Распятого. Там и стоит самый старинный собор — собор Петра и Павла, бок о бок с самой зловещей крепостью — Петропавловской, построенной Петром Великим. После смерти императора, в 1733 году, было окончено строительство крепости, начатое в 1712-м¹¹⁰. Храм скрыт бастионами, стены которых охватывают весь остров — сплошные острые углы и шесть полумесяцев (две группы по три); такие укрепления заставили бы улыбнуться старого доброго Себастьяна ле Претра, маркиза Вобана»¹¹¹.

Наконец испанский автор переходит к описанию Петропавловского собора; некоторые сведения он излагает со слов «интуристовской» переводчицы: «Мы посетили крепость: собор оказался бедной маленькой церквушкой с тяжеловесным алтарем. Здесь же — как коробки на складе — могилы всех царей и их жен, кроме семьи последнего императора — их тела не найдены. Внутри собора все как-то сыро и недружелюбно, и в словах нашей переводчицы слышится неприятный сарказм. Самая интересная деталь снаружи — это длинный тонкий шпиль, верхушка купола. О кресте, его венчающем, есть легенда: рассказывают, что однажды он упал, а водрузить его обратно было очень сложно. Тогда царь пообещал умельцу, который это сделает, выполнить любое его желание. Один мужик вызвался, за две недели крест поднял, а за работу испросил себе право пить сколько захочет, бесплатно, в любом заведении. Царь пожаловал его такой милостью, мужик напился и в ту же ночь умер»¹¹².

¹⁰⁸ Боханов Александр. Прощание с государем // Аргументы и факты, 1998. № 5, С. 8.

¹⁰⁹ В Петербурге не три, а десять соборов.

¹¹⁰ Автор достаточно вольно обращается с датами. Петр I умер в 1725 году; крепость была заложена 16 мая 1703 года; 1712—1733 — это годы строительства Петропавловского собора.

¹¹¹ Рос Феликс. Южанин в России // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 192 (Себастьян ле Претр, маркиз де Вобан (1633—1707) — французский военный инженер. Заложил основы фортификации как науки).

¹¹² Там же. С. 192—193.

...Таковы некоторые страницы истории, связанные с Петропавловским собором и изложенные иностранными авторами. Сегодня, как и в прежние времена, над Невой «вырисовывается изящный и дерзкий шпиль Петропавловской крепости; золотой ангел, возвышаясь над стенами крепости, блестит на фоне бирюзового неба в розовых облачках»¹¹³ (Теофиль Готье).

Начало возрождения. В последние годы возобновляется богослужебная жизнь в стенах Петропавловской крепости. Так, 26 мая 1991 года, в день 280-летия основания Санкт-Петербурга, в Петропавловской крепости Всецерковным православным молодежным движением был отслужен благодарственный молебен святым покровителям города — святому апостолу Петру, благоверному князю Александру Невскому, святой Ксении Петербургской и святому Иоанну Кронштадтскому¹¹⁴.

А еще спустя две недели — 12 июня 1991 года, в день рождения основателя Санкт-Петербурга — Петра Великого, в Петропавловской крепости состоялось торжественное богослужение в память этого события. Оно прошло на месте основания города, у собора святых апостолов Петра и Павла. Богослужение было совершено приходом Александро-Невской церкви великокняжеской усыпальницы и тогдашним настоятелем Князь-Владимирского собора протоиереем Павлом Красноцветовым¹¹⁵.

Примечательно, что именно в этот день в городе на Неве состоялся референдум по поводу возвращения граду святого Петра его настоящего имени. Оставалось лишь надеяться, что со временем эти богослужения станут регулярными и будут проводиться не под открытым небом, а под сводами старинного Петропавловского собора...

В 2004—2005 годах между российским и датским правительствами было достигнуто соглашение о переносе останков императрицы Марии Федоровны из г. Роскилле в Петропавловский собор в Санкт-Петербурге, где Мария Федоровна завещала похоронить себя рядом с мужем.

Мария Федоровна (1847—1928), при рождении Мария София Фредерика Дагмар (Дагмара), дат. *Marie Sophie Frederikke Dagmar*; — российская императрица, супруга Александра III (с 1866 года), мать императора Николая II. Дочь Кристиана, принца Глюксбургского, впоследствии Кристиана IX, короля Дании. 30 сентября (13 октября) 1928 года Мария Федоровна скончалась. Чин погребения ее был совершен 19 октября 1928 года в храме Александра Невского митрополитом Евлогием (Георгиевским), в те годы считавшим себя в ведении Московской патриархии. После отпевания ее прах был помещен в саркофаг в Королевской усыпальнице кафедрального собора в датском городе Роскилле (дат. Roskilde) рядом с прахом ее родителей. Там же покоятся и члены датской королевской семьи.

22 сентября 2006 года в 18:00 по местному времени в крипте кафедрального собора в Роскилле делегацией Русской православной церкви Московского патриархата, состоящей из епископа, трех священников, диакона и мужского хора, было совершено заупокойное богослужение в присутствии представителей Русской православной церкви за границей, членов датской королевской семьи, датского правительства и официальной делегации из России. 23 сентября в 11:30 священником датской церкви было проведено заупокойное богослужение в кафедральном соборе в Роскилле. На нем присутствовала датская королева Маргрете II, ее супруг и другие члены королевской семьи, представители датского правительства и парламента, родственники императрицы и представители Русской православной церкви. Богослужение провели королевский исповедник, профессор, доктор теологии Кристиан Тодберг и епископ Роскильской

¹¹³ Готье Теофиль. Путешествие в Россию. М., 1988. С. 64.

¹¹⁴ Смена, № 119, 25.05.1991.

¹¹⁵ Смена, № 132, 11.06.1991.

епархии, доктор теологии Ян Линдхардт. В числе российской делегации были министр культуры Александр Соколов, заместитель министра иностранных дел Владимир Титов, директор Эрмитажа Михаил Пиотровский и другие.

В 12:30 по окончании богослужения гроб с прахом императрицы был вынесен из собора и в сопровождении траурного кортежа был перевезен в Копенгаген. От дворца Кристианборг гроб в сопровождении гусарского полка отправился в порт. Процессия проехала через дворец Амалиенборг и в 14:00 сделала остановку возле храма святого благоверного князя Александра Невского. На улице возле храма представителями Русской православной церкви за границей было проведено заупокойное богослужение, и процессия последовала в порт, куда также прибыли датская королевская семья и другие приглашенные. В порту гроб с прахом императрицы Марии Федоровны был поднят на датский корабль «Эсберн Снаре» (дат. «*Esbern Snare*») и отправился в Кронштадт.

Священник Русской православной церкви Московского патриархата сопровождал гроб на корабле из Копенгагена в Санкт-Петербург для совершения в течение пути заупокойных богослужений. В Россию отправилась копия иконы Иерусалимской Божьей Матери, специально написанная для церемонии перезахоронения датской художницей Бирте Нильсен (Birte Nielsen). В течение сорока дней икона находилась в храме Александра Невского, а после перезахоронения Марии Федоровны осталась в Петропавловском соборе Петербурга.

Утром 26 сентября датский корабль «Эсберн Снаре» с прахом императрицы Марии Федоровны прибыл в порт Кронштадта. В российских территориальных водах его встретил флагманский корабль Балтийского флота «Неустршимый» и сопровождал в порт. На борту фрегата ВМФ России находился командующий Балтийским флотом вице-адмирал Константин Сиденко. По прибытии датского судна в порт российский военный корабль «Смольный» встретил их 31 орудийным залпом. В готической капелле храма Святого Александра Невского в Петергофе была совершена панихида по императрице. Помещение церкви не смогло вместить всех желающих, и большая их часть осталась на улице. Панихиду совершил архиепископ Константин (Горянов), тогдашний ректор Санкт-Петербургской духовной академии. Перед началом панихиды гроб с прахом императрицы в церковь внесла рота почетного караула, а за ним проследовали члены семьи Романовых, а также представители официальной делегации. На мероприятии присутствовали датский кронпринц Фредерик и губернатор Петербурга Валентина Матвиенко. В храме Святого Александра Невского гроб с останками Марии Федоровны пробыл два дня, чтобы все желающие могли за это время поклониться ее праху.

28 сентября гроб с останками императрицы Марии Федоровны был захоронен в соборе Святых Петра и Павла Петропавловской крепости рядом с могилой ее мужа Александра III. После этого Патриарх Московский и всея Руси Алексей II и митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир бросили на гроб землю, специально переданную для церемонии Маргретой II. Потомки семьи Романовых по очереди бросили горсть земли в могилу. Прозвучал 31 пушечный залп, по числу залпов, которые были произведены, когда датская принцесса прибыла в Петербург 140 лет назад. На могилу было установлено белое мраморное надгробие с золоченым крестом наверху, идентичное надгробиям в императорской усыпальнице¹¹⁶.

¹¹⁶ <https://drevo-info.ru/articles/3892.html>. Дата посещения 24.04.2020.

Приложение 1. Берк Карл Рейнхольд. Петропавловская церковь¹¹⁷

Она каменная, не особенно большая, но построена хорошо. Шпиль на колокольне довольно узкий и покрыт сильно позолоченной медью. Сама крыша, как и купол (он есть у всех русских церквей, прямо над алтарем и несколько в стороне от главного фасада), покрыта свинцом, но фонарь на ней тоже позолочен. В упомянутой большой колокольне есть часовой механизм с боем¹¹⁸ — единственный в городе с тех пор как разобрали Адмиралтейскую башню, еще не отстроенную заново¹¹⁹. понадобилось много времени, чтобы старые русские в С.-Петербурге привыкли к бою часов¹²⁰. Прежде в России часы считали от начала дня и ночи; если солнце всходило в 5 часов, то 6 часов называли первым часом дня, 7 часов — вторым и т. д. А так как в Москве самый длинный день продолжается всего 17 часов, то там и в других больших городах циферблат содержал не больше семнадцати цифр. Когда же, к примеру, день длился всего 13 часов и стрелка подходила к тринадцати, ее переводили на цифру 1 и затем она двигалась до цифры 11. Такое обращение еще вроде бы применяется в старых монастырских церквях и повсюду на городских часах в самых отдаленных местностях, куда пока не в таком большом количестве распространились люди, называемые русскими «новым европейским народом».

Петропавловская колокольня имеет также куранты, которые слышны отовсюду, они с часовым боем, но больше всего бьют между одиннадцатью и двенадцатью дня. Спереди все трое церковных дверей парные, с итальянскими мраморными колоннами, и от больших дверей к крепостным воротам насажена аллея.

Изнутри вся церковь убрана гипсом и мрамором; у пилястр позолочены основания и капители. Над окнами живописно изображена история Христовых мук, а на сводах среди многих иных украшений — ангелы, несущие орудия страстей Господних. Кафедра украшена хорошо позолоченной скульптурой и живописными изображениями библейских историй. Перегородка, согласно греческому обычаю всегда имеющаяся между нефом и алтарем, то есть помещением, где священник читает, стоя у стола, или маленького престола, весьма обильно покрыта резьбой и позолотой, а также живописью, представляющей картины из Нового и Ветхого Завета и святых греческой Церкви. Перед четырьмя самыми главными, выполненными в человеческий рост, а именно: Христом, Марией, Петром и Павлом, висят чрезвычайно тяжелые серебряные лампы. Купол над престолом богато позолочен и покрыт живописными изображениями. Что до меня, то я более всего рассматривал две работы Петра Первого, выгоченные из слоновой кости, — большое паникадило и своеобразный крест с портретами Девы Марии и четырех других святых наверху; крест стоял на престоле.

Сей монарх и его супруга Екатерина долго лежали посреди этой церкви на площадке, поднятой над полом на две ступени. Теперь же их тела опущены там в гробницы под землю, где лежит и несколько членов царской фамилии. Хотя эта церковь из-за воды находится на некотором удалении и ближайший Петербургский остров не особенно заселен, а кроме того, там есть три других церкви, ее все же посещает много людей, главным образом по воскресным и праздничным дням.

¹¹⁷ Берк Карл Рейнхольд. Путевые заметки о России // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 115–117.

¹¹⁸ Имеются в виду голландские куранты — набор из 35 колоколов разной величины, связанный с башенными часами и клавиатурой для исполнения музыки. Куранты были установлены на законченной в основном колокольне Петропавловского собора в 1720 году. Погибли в пожаре 1756 года.

¹¹⁹ В 1732 году Анна Иоанновна распорядилась разобрать первоначальную (1711) Адмиралтейскую башню. Новую архитектор И. К. Коробов поставил в 1733–1736 годах.

¹²⁰ Петр I наказывал батогами многих солдат, упрямо по-старому отвечавших на вопрос: который час (прим. К.-Р. Берка).

Приложение 2. Георги И. Г. Собор свв. апостолов Петра и Павла¹²¹

...Соборная церковь святых первоверховных апостол Петра и Павла в крепости стоит почти в середине оныя, совсем особо от прочих строений. Петр Великий заложил сию церковь в 1712 году, а во время царствования императрицы Анны Иоанновны <она> окончена в 1733 году. Сия церковь имеет в длину 30, в ширину 14, в высоту по кровлю $8\frac{1}{3}$, а верхняя высота сводов $9\frac{1}{3}$ сажень¹²².

На церковной кровле над алтарем есть один только высокой купол. Колокольня, построенная голландским архитектором Баллесом, наподобие четверугольника, вышиною около 30 сажень каменного строения, а с фонарем, шпиром и крестом от земли 55 сажень. Шпир имеет вид узкой, угловатой пирамиды и был покрыт медными листами, на позолоту коих через окно употреблено 22 фунта червонного золота. Диаметр яблок составлял $5\frac{1}{2}$ футов, длина креста сверх яблока 3 сажени. Куранты, что на колокольне, купил Петр Великий в Амстердаме за 45 000 рублей. В 1756 году повреждены были колокольня и куранты грозою и происшедшим от оной пожаром. В 1759 году императрица Елизавета Петровна пожаловала часы на колокольню и новые куранты, кои играют каждый час и на коих летом в 12 часов играет музыка; нынешняя же Государыня (Екатерина II. — *Авт.*) повелела позолотить шпир столь же богато, как то был и прежний, да и вообще сделать все по-прежнему чрез архитектора Бауера. При сем случае приделан к колокольне прут для отводу грозы. Стрoение началось в 1775-м и кончилось в 1780 году.

В соборной церкви есть кафедра. Между мощами находится риза Господня, часть главы святого мученика Иакова Боровицкого и других мучеников. Перед алтарем стоят 14 государских гробниц: Петра Великого, Екатерины Первой, Анны Иоанновны, Елисаветы Петровны, царевича Алексея Петровича и его супруги, также цесаревен Анны Петровны, Наталии Петровны, Маргариты Петровны и еще других. В сей церкви есть большое и малое паникадило, выточенные Петром Великим, 3 креста и барельефы, все из слоновой кости. В яблоке под малым паникадиллом хранится своеручная записка императора на российском языке следующего содержания: «Сие приносится в знак благодарения Господу Богу за целебныя воды; сделано при оных в Олонце марта 14 дня 1724 года. Петр».

¹²¹ Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 155–157.

¹²² Сажень — русская линейная мера, составляет около 2,1 метра; фут — 0,3 метра. — *Прим. авт.*